

НАИВНАЯ и САНТИМЕНТАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ.

(Изъ Шиллера.)

Статья первая.

=

Въ жизни бываютъ минуты, когда мы особенно любимъ и уважаемъ природу, рассматривая ее въ растеніяхъ, минералахъ, животныхъ, живописныхъ мѣстоположеніяхъ; а человѣческую природу въ дѣтяхъ, въ сельскихъ нравахъ и нравахъ первобытнаго міра — и любимъ совсѣмъ не потому, что это услаждаетъ наши чувства, или удовлетворяетъ нашъ вкусъ или разумъ, но единственно потому, что *это природа*. Всякій, сколько-нибудь утонченный и не совсѣмъ безчувственный человѣкъ, испытываетъ это или на прогулкѣ за городомъ, или живя въ деревнѣ, или наконецъ, созерцая памятники былыхъ временъ, однимъ словомъ, когда среди искусственныхъ отношеній и ситуаций, внезапно поражаетъ его видъ простой природы. Этотъ-то интересъ, возвышающійся нерѣдко до нужды, и бываетъ такъ часто причиною страстной охоты до цвѣтовъ, животныхъ, безъискусственныхъ садовъ, прогулокъ, деревни и ея жителей, до многихъ произведеній отдаленной древности и пр., и пр., предполагая, впрочемъ, что сюда не вмѣшиваются ни притворство, ни другіе случайные интересы. Такой родъ участія къ природѣ возможенъ только при двухъ условіяхъ. Во-первыхъ, необходимо, чтобы предметъ, внушающій намъ его, былъ или самъ *природой*, или чтобъ мы принимали его за природу; во-вторыхъ, чтобъ онъ (въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова) былъ *наивенъ*, т.-е., чтобы природа была въ контрастѣ съ искусствомъ и затмѣвала его, потому-что тогда только природа становится наивною.

Природа, съ этой точки зрѣнія, есть нечто иное, какъ самостоятельное состояніе вещей, существованіе по собственнымъ непремѣннымъ законамъ.

И такое пониманіе природы необходимо, иначе мы не ощутимъ никакого интереса къ ея явленіямъ. Еслибъ поддѣльному цвѣтку ухитрились

дать лоскъ природы до совершеннаго обмана, еслибъ подражаніе наивному въ нравахъ, довели до высшей иллюзіи, то и тогда одно открытіе, что это только подражаніе, совершенно уничтожило бы то чувство, о которомъ мы говоримъ теперь. Отсюда ясно слѣдуетъ, что этотъ родъ участія къ природѣ отнюдь не эстетическій, но моральный: потому-что онъ выходитъ изъ идеи, а не рождается непосредственно изъ созерцанія; ему мало и даже совсѣмъ нѣтъ дѣла до красоты формъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, что за прелесть такая въ какомъ-нибудь пустомъ цвѣткѣ, ручьѣ, въ камнѣ обросшемъ мохомъ, въ щебетаніи птицъ, въ жужжаніи пчелъ и т. п.? Кто далъ имъ такое притязаніе на любовь нашу? Стало-быть не предметы любимъ мы въ нихъ, но идею, которую они представляютъ. Мы любимъ въ нихъ мирную жизнь, спокойное дѣйствіе изъ самихъ себя, бытіе по непреложнымъ законамъ, внутреннюю необходимость, вѣчное согласіе.

Но ихъ совершенство не есть ихъ заслуга, потому-что оно не есть дѣло ихъ выбора, и тайна наслажденія ими состоитъ именно въ томъ, что, не пристыжая насъ, они служатъ намъ образцами. Какъ постоянное проявленіе высшей силы, окружаютъ они насъ, но болѣе услаждая, чѣмъ ослѣпляя. Въ ихъ характерѣ есть именно то, чего недостаетъ нашему для своего полнаго развитія; мы отличаемся отъ нихъ именно тѣмъ, чего недостаетъ имъ самимъ, чтобъ стать божественными. Мы свободны, они необходимы; мы измѣняемся — они непремѣнны. И тогда только, когда то и другое совокупится въ одно — когда воля свободно станетъ повиноваться закону необходимости, а разумъ, при всякой перемѣнѣ фантазіи, удержитъ права свои, тогда только проявится идеаль. Итакъ мы вѣчно видимъ въ *нихъ* только то, что для насъ неудовимо, но къ чему намъ заповѣдано стремиться, и къ чему мы, хотя и никогда того не достигнемъ, все-таки при безконечныхъ успѣхахъ, надѣемся приблизиться. Мы замѣчаемъ *въ себѣ* преимущество, котораго у нихъ нѣтъ, и которому они вообще никогда не будутъ причастны, какъ нѣчто неразумное, если только не пойдутъ *нашимъ* путемъ, какъ на-примѣръ дѣтство. Вотъ потому-то они и доставляютъ намъ сладчайшее изъ наслажденій — наслажденіе нашею человѣчностью, какъ идеею, хотъ вмѣстѣ съ тѣмъ и смиряютъ насъ, напоминая объ ограниченности человѣка.

Такъ-какъ интересъ къ природѣ основывается весь на идеѣ, то онъ можетъ проявиться только въ такихъ характерахъ, которые воспріимчивы для идей, т.-е. въ моральныхъ. Большая часть людей

только притворяются, и владычество въ наше время этого sentimentalнаго вкуса, который особенно выражается въ появленіи извѣстныхъ сочиненій, чувствительныхъ путешествій, въ устройствѣ садовъ, въ прогулкахъ и другихъ тому подобныхъ забавахъ, вовсе еще не служитъ доказательствомъ подобнаго образа ощущеній. Изъ этого слѣдуетъ только, что природа и на самаго нечувствительнаго имѣетъ вліяніе, потому-что для-того достаточно свойственной всѣмъ людямъ склонности къ нравственному, и потому-что всѣ мы безъ различія, при всемъ огромномъ удаленіи нашемъ отъ простоты и истины природы,

95

неволью приближаемся къ ней въ *идею*. Особенно-сильно и всего чаще выражается это сочувствіе природѣ, по поводу такихъ предметовъ, которые стоятъ въ тѣсной связи съ нами и заставляютъ насъ неволью оглянуться на насъ самихъ и на *неприроду* въ насъ, какъ на-примѣръ дѣти или народы въ дѣтствѣ. Жестоко ошибаются тѣ, которые предполагаютъ, что только представленіе безпомощности такъ сильно трогаетъ насъ иногда при обхожденіи съ дѣтьми. Это можетъ случиться развѣ только съ тѣми, которые предъ слабостію имѣютъ обыкновеніе чувствовать свое собственное превосходство. Но чувство, о которомъ говорю я (оно проявляется только въ особенномъ моральномъ состояніи духа, и его не должно смѣшивать съ тѣмъ, которое возбуждается въ насъ рѣзвыми играми дѣтей), то чувство скорѣе унижаетъ самолюбіе, чѣмъ льститъ ему; а если и есть здѣсь преимущество, то ужь конечно не на нашей сторонѣ. Не оттого мы бываемъ растроганы, что съ высоты своей силы и совершенства смотримъ на ребенка, но оттого, что мы изъ *опредѣленности* нашего состоянія, которое нераздѣльно съ достигнутымъ уже нами *назначеніемъ*, смотримъ на безпредѣльную *возможность* (Bestimmbarkeit) въ ребенкѣ и на его чистую невинность; оттого, что въ эти минуты наше чувство такъ замѣтно смѣшано съ какою-то тоскою, что нельзя ошибиться въ ея причинѣ. Въ ребенкѣ видимъ мы *зачатки* (Anlage) и *назначеніе*, въ самихъ же себѣ *исполненіе*, и послѣднему всегда безконечно-далеко до первыхъ. Оттого-то для насъ ребенокъ есть воплощеніе идеала, хотя еще и неисполненнаго, но заданнаго, и потому насъ трогаетъ въ немъ совсѣмъ не представленіе его немощи или ограниченности, но, напротивъ-того, представленіе его чистой и свободной силы, его возможностей, его безконечности. Потому для человѣка нравственнаго, для человѣка съ сердцемъ, ребенокъ всегда будетъ

священнымъ предметомъ, т.-е. такимъ предметомъ, который величіемъ идеи уничтожаетъ всякое величіе факта, и который, если и теряетъ что-нибудь въ сужденіяхъ разсудка (Verstand) за-то съ лихвой выигрываетъ въ сужденіяхъ разума (Vernunft).

Прямо изъ этого противорѣчія между разумомъ и разсудкомъ, истекаетъ совершенно особенное, смѣшенное чувство, дѣлающее *наивнымъ* нашъ образъ мыслей. Оно соединяетъ *дѣтскую* простоту съ *ребяческой*, посредствомъ которой открываетъ разсудку нечаянные промахи и возбуждаетъ ту улыбку, которою мы высказываемъ свое (*теоретическое*) превосходство. Но лишь-только мы имѣемъ поводъ думать, что *ребяческая* простота есть вмѣстѣ и *дѣтская*, что, слѣдственно, причина промаха заключается не в слабоуміи, не въ немощности, но въ высшей (*практической*) силѣ, въ сердцѣ полномъ невинности и правды, въ сердцѣ презрѣвшемъ, изъ внутренняго величія, помощь искусства — тогда прежнее торжество разсудка проходитъ, и насмѣшка надъ простоватостью перерождается въ удивленіе простотѣ. Мы невольно начинаемъ уважать предметъ, надъ которымъ прежде смѣялись, и, бросивъ взглядъ на самихъ себя, сожалѣемъ, что не похожи на него. Такимъ-образомъ происходитъ совершенно-особенное чувство, въ которомъ

96

сплавливаются и веселая насмѣшка, и высокое уваженіе и, наконецъ, тихая грусть. Для всего наивнаго необходимо, чтобъ природа побѣждала искусство — случается ли это противъ чаянія и воли предмета, или съ полнымъ его сознаниемъ. Въ первомъ случаѣ это наивность *внезапности* (der Ueberraschung) и забавляетъ насъ, во второмъ, наивность *мышленія* и трогаетъ.

При наивномъ *внезапности*, предметъ долженъ быть *морально* способенъ къ отреченію отъ природы; при наивномъ мышленія, напротивъ; только мы должны воображать его (предметъ) *физически* способнымъ къ тому, иначе онъ не подѣйствуетъ на насъ наивно. Поступки и рѣчи дѣтей только тогда кажутся намъ чисто наивными, когда мы вспомнимъ объ ихъ немощи къ искусству и вообще, когда видимъ въ нихъ только одинъ контрастъ природы съ искусственностію. Наивное есть *дѣтственность тамъ, гдѣ мы её болѣе не ожидаемъ*, и потому-то, въ строжайшемъ смыслѣ, и не можетъ быть приписано дѣйствительному дѣтству.

Но въ обоихъ случаяхъ, при наивномъ *внезапности*, какъ и при наивномъ мышленія, природа всегда должна побѣждать искусство.

Только посредствомъ этого послѣдняго опредѣленія понятіе о наивномъ становится полнымъ. Аффектація (вычурность) есть также природа, между-тѣмъ-какъ правила приличія уже нѣчто искусственное; не взирая на то, побѣда аффектаціи надъ приличіемъ совсѣмъ не составляетъ наивнаго. Напротивъ-того, если та же самая аффектація побѣждаетъ манерность, ложное приличіе, притворство, то мы прямо говоримъ, что это наивно¹. Стало-быть необходимо, чтобъ природа торжествовала надъ искусствомъ не въ-слѣдствіе своей слѣпой силы, какъ динамическая величина, но какъ моральная, посредствомъ своихъ формъ; однимъ словомъ: не по нуждѣ, но по внутренней необходимости. Не недостаточность, но заблужденіе искусства должно давать преимущество природѣ; потому-что заблужденіе есть недостатокъ, а все, что вытекаетъ изъ недостатка, не можетъ внушать уваженія. Правда, при наивномъ внезапности природа бросается въ глаза всегда отъ перевѣса аффектаціи, и отъ недостатка обдуманности; однако этотъ недостатокъ и тотъ перевѣсъ вовсе еще не составляютъ наивности, но даютъ

97

только случай природѣ невозбранно слѣдовать *ея моральному устройству*, т.-е. закону согласія (*Uebereinstimmung*).

Наивность внезапности можетъ встрѣтиться только въ человѣкѣ и только въ такомъ человѣкѣ, который не есть уже чистая, невинная природа. Такая наивность предполагаетъ волю, несогласную съ образомъ дѣйствія природы. Такой человѣкъ, опомнившись, испугается самого себя; напротивъ-того, человѣкъ, наивный по своему мышленію, станетъ самъ дивиться, отчего всѣ разохались. И такъ-какъ въ послѣднемъ случаѣ мы видимъ не личный и моральный характеръ, но только свободный отъ аффектаціи естественный характеръ, то мы и не цѣнимъ высоко его наивности:

¹ Дитя шаловливо, когда, по желанію, легкомыслію, рѣзвости, противится предписаніямъ хорошаго воспитанія; но оно наивно, когда вслѣдствіе природы погрѣшаетъ противъ манерности, противъ принужденныхъ позицій своего танцмейстера и т. п. Ту же самую наивность, только въ совершенно-другомъ, несвойственномъ значеніи, находимъ мы при переходѣ отъ человѣка къ неразумной природѣ. Никто не найдетъ наивнымъ того явленія, если въ запусѣломъ саду все зарастаетъ дикою травою; но каждый, безъ-сомнѣнія, согласится, что есть что-то наивное въ томъ, если ростъ выбѣгающихъ вѣтвей уничтожаетъ всѣ усилія ножницъ въ какомъ-нибудь французскомъ саду. Точно также совсѣмъ не наивно, если ученая лошадь по природной неповоротливости худо исполняетъ заученное; но также нельзя и отказать ей въ наивномъ, если она позабываетъ науку вслѣдствіе врожденныхъ привычекъ.

нашъ смѣхъ становится тогда заслуженною насмѣшкой, тѣмъ болѣе, что она не удерживается никакимъ личнымъ уваженіемъ. А такъ-какъ въ этомъ также видна и откровенность природы, пробившаяся сквозь слой хитрости, лукавства, то въ насъ вмѣстѣ съ злобною радостью соединяется и высокое довольство — поймать человѣка на словѣ: потому-что природа въ контрастѣ съ искусственностью, и истина въ контрастѣ съ обманомъ всегда возбуждаютъ уваженіе. Стало-быть при наивномъ внезапности мы въ-самомъ-дѣлѣ морально наслаждаемся, хотя и не моральнымъ характеромъ.

При наивномъ внезапности мы всегда уважаемъ только *природу*, потому-что должны уважать истину, напротивъ-того, при наивномъ мышленія мы уважаемъ *человѣка*, и, слѣдовательно, наслаждаемся не только моральнымъ удовольствіемъ, но и самымъ моральнымъ предметомъ. Въ томъ и другомъ случаѣ природа всегда права, потому-что говоритъ истину; но въ послѣднемъ случаѣ не одна природа права, но и сама особа заслуживаетъ нѣкоторой *чести*.

Мы приписываемъ человѣку наивный образъ мыслей, если онъ въ своихъ сужденіяхъ о вещахъ проглядываетъ ихъ искусственныя и изысканныя отношенія и придерживается одной простой природѣ. Отъ него мы требуемъ всего, о чемъ только можно разсуждать въ границахъ здравой природы, и прощаемъ ему развѣ то только, что предполагаетъ удаленіе отъ природы, въ образѣ ли мыслей или въ ощущеніи.

Если отецъ расскажетъ дитяти, что вотъ тотъ-то, на-примѣръ, умираетъ отъ бѣдности, и дитя отнесетъ бѣдняку отцовскій кошелекъ, то поступокъ его наивенъ, потому-что въ ребенкѣ дѣйствовала здоровая природа, а въ мірѣ, въ которомъ бы владычествовала здоровая природа, этотъ актъ былъ бы весьма-натураленъ. Ребенокъ видѣлъ только нужду, и ближайшее средство отвратить ее.

Если человѣкъ, не знающій свѣта, но впрочемъ умный, повѣряетъ свои тайны другому, который обманывая его, умѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ искусно притворяться, и своею откровенностью самъ даетъ ему средства вредить себѣ, то мы находимъ это наивнымъ. Онъ смѣшонъ въ глазахъ нашихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ не уважать его, потому-что его довѣріе проистекаетъ изъ прямоты его собственнаго мышленія. По-крайней-мѣрѣ онъ наивенъ при послѣднемъ ограниченіи.

Вотъ почему наивность мышленія никогда не можетъ быть достояніемъ испорченныхъ людей, но только дѣтей и людей, дѣтски мыслящихъ. Такіе люди дѣйствуютъ и мыслятъ наивно часто посреди искусственныхъ отношеній большаго свѣта; они забываютъ, по своей собственной прекрасной человѣчности, что имѣютъ дѣло съ испорченнымъ свѣтомъ, и даже въ дипломатической сферѣ поступаютъ съ тою непринужденностью и невинностью, какая встрѣчается развѣ только въ пастушескомъ мѣрѣ.

Впрочемъ не совсѣмъ-легко вѣрно отличить ребяческую невинность отъ дѣтской; есть поступки, стоящіе на самой крайней линіи между обѣими, такъ-что мы иногда сомнѣваемся: смѣяться ли намъ надъ простоватостью, или удивляться благородной простотѣ. Очень-замѣчательный примѣръ такого рода находимъ мы въ исторіи папы Адріана VI, описанной г. Шрёкомъ съ свойственною ему основательностью и прагматическою истиною. Этотъ папа, родомъ изъ Нидерландовъ, правилъ престоломъ Петра, въ критическую минуту для іерархіи, когда ожесточенная партія безъ всякой пощады разоблачала разныя дѣйствія папъ, а противная партія изо всей мочи старалась прикрывать ихъ. Чтó было дѣлать въ подобныхъ обстоятельствахъ истинно-наивному характеру, объ этомъ нѣчего и спрашивать; но другое дѣло, какъ такая наивность мышленія могла согласоваться съ ролею папы? Впрочемъ предшественники и послѣдователи Адріана мало об этомъ заботились. Однообразно слѣдовали они разѣ принятой римской системѣ. Но у Адріана точно былъ прямой характеръ и вся невинность его прежняго состоянія. Изъ тѣсной сферы ученаго достигъ онъ до самаго возвышеннаго поста, и даже на высотѣ своего новаго достоинства не измѣнилъ простотѣ своего характера. Злоупотребленія задѣвали его за-живое, и онъ былъ слишкомъ-честенъ, чтобы публично скрывать то, въ чемъ онъ внутренно сознавался. Сообразно своему образу мыслей, онъ въ *инструкціяхъ*, данныхъ своимъ легатамъ въ Германіи, сдѣлалъ нѣсколько признаній, еще неслыханныхъ ни отъ одного папы и совершенно противныхъ правиламъ римскаго двора. «Мы хорошо знаемъ — стояло въ нихъ между прочимъ — что болѣзненное состояніе главы переходитъ къ членамъ, папы — къ прелатамъ. Мы всѣ сошли съ прямого пути, и давно уже не находилось ни одного между нами, кто бы сдѣлалъ что-нибудь путное.» Опять гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ

повелѣваетъ онъ легату передать отъ своего имени, «что онъ, Адрианъ, не долженъ быть порицаемъ за то, что до него творили другіе папы, и что многія ихъ дѣйствія, ему всегда не нравились и т. д.» Легко представить себѣ, какъ подобная наивность папы была принята римскимъ духовенствомъ: еще слава Богу, что его обвинили только въ томъ, будто онъ продалъ себя еретикамъ. Однакожь этотъ въ полной мѣрѣ неблагоразумный поступокъ папы могъ бы быть достойнымъ всего нашего уваженія и удивленія, если бъ только намъ можно было увѣриться, что онъ въ-самомъ-дѣлѣ былъ наивнымъ, т.-е., что онъ вышелъ прямо изъ врожденной справедливости его характера безъ всякаго соображенія о могущихъ произойти оттого слѣдствіяхъ, и что онъ и въ другой разъ повторился

99

бы, еслибъ Адрианъ и увидѣлъ, наконецъ, сдѣланный промахъ во всей его обширности. Но мы имѣемъ нѣкоторыя причины полагать, что папа считалъ подобныя признанія политическими и даже надѣялся своею уступчивостью достигъ чего-то важнаго. Онъ воображалъ, что какъ честный человѣкъ, онъ не только обязанъ сдѣлать это, но и отвѣчать за поступокъ свой, какъ папа; между-тѣмъ онъ учинилъ ошибку, и въ совершенно противоположныхъ обстоятельствахъ послѣдовалъ правиламъ, которыя можетъ-быть и годились бы для обыкновеннаго порядка дѣлъ. Это, конечно, измѣняетъ наше сужденіе, и хотя мы не можемъ не уважать честности его сердца, изъ котораго вышелъ тотъ поступокъ, однако наше уваженіе значительно уменьшается при мысли, что въ этомъ случаѣ природа въ искусствѣ, а сердце въ головѣ имѣли слишкомъ-слабыхъ противниковъ.

Наивнымъ долженъ быть всякій истинный геній, если онъ только истинный. Одна наивность уже способна сдѣлать его геніемъ, и если онъ геній въ интеллектуальномъ и эстетическомъ значеніи, то не можетъ не быть имъ и въ моральномъ. Незнакомый съ костылями немощи, руководимый одною природою, его ангеломъ-хранителемъ, онъ спокойно и твердо шествуетъ черезъ всѣ западни ложнаго вкуса, въ которыхъ не-геній непременно путается, если только при помощи ума не избѣжитъ ихъ заранѣе. Только генію дано внѣ извѣстнаго быть все-еще какъ-будто дома и *расширить* природу, не *выходя* изъ нея. Правда, послѣднее (т.-е. *выходъ изъ природы*) часто бываетъ и съ величайшими геніями, но только потому, что и у нихъ есть свои фантастическія минуты,

когда оставляет их хранительница-природа, и они или увлекаются силою примѣра, или сбиваетъ ихъ съ толка испорченный вкусъ времени.

Геній долженъ рѣшать самыя запутанныя задачи съ незатѣйливою простотою и легкостью: коломбово яйцо подходитъ подъ всѣ геніальныя рѣшенія. Только тѣмъ и познается геній, что онъ съ чрезвычайною простотою торжествуетъ надъ запутаннымъ искусствомъ. Онъ дѣйствуетъ какъ впадаетъ ему на умъ или, лучше сказать, какъ внушить ему его здоровая природа.

Тотъ же дѣтскій характеръ, напечатлѣваемый геніемъ на всѣхъ его произведеніяхъ, выказываетъ онъ и въ своей частной жизни, въ своихъ привычкахъ. Онъ *цѣломудренъ*, потому-что природа неиспорченная всегда цѣломудренна. Онъ *умень*, потому-что природа умна; но не *хитеръ*, потому-что только искусство хитро. Онъ *вѣренъ* своему характеру и склонностямъ, но не столько потому, что имѣетъ правила, сколько потому, что природа, при всемъ своемъ колебаніи, всегда устанавливается на старомъ мѣстѣ, всегда возвращается къ прежнимъ нуждамъ. Онъ *скромнъ*, даже застѣнчивъ, потому-что геній для самага-себя всегда остается тайной; но онъ робѣетъ не оттого, что не знаетъ опасностей пути, по которому шествуетъ. Мы мало знаемъ о частной жизни великихъ геніевъ, но и малое, дошедшее до насъ, на-примѣръ, о Софоклѣ, Архимедѣ, Иппократѣ и изъ новѣйшихъ временъ объ Аріостѣ, Данте и Тассо, о Рафаэлѣ, Альбрехтѣ Дюрерѣ, Сервантесѣ, Шекспирѣ, Фильдингѣ, Стернѣ и другихъ, подтверждаетъ нашу мысль.

100

Всего страннѣе, можетъ-быть, покажется то, что даже великіе государственные люди и полководцы, сдѣлавшись великими по своему генію, выказываютъ тотъ же самый наивный характеръ. Упомяну изъ древнихъ только объ Эпаминондѣ и Юліѣ Цезарѣ, изъ новѣйшихъ о Генрихѣ IV, королѣ французскомъ, Густавѣ-Адольфѣ шведскомъ и о царѣ Петрѣ-Великомъ. Герцогъ Мальборò, Тюреннь, Вандомъ всѣ выказываютъ тотъ же характеръ. Женщинамъ природа указала въ наивномъ характерѣ все ихъ совершенство. Женское кокетство ни за чѣмъ такъ не гонится, какъ за искусствомъ *казаться* наивнымъ; одно это уже служитъ тому доказательствомъ, еслибъ даже и не было другихъ, что вся сила женщинъ основана на этомъ кокетствѣ. Но такъ-какъ господствующія правила женскаго воспитанія въ вѣчномъ разладѣ съ этимъ характеромъ, то женщинѣ

въ моральномъ отношеніи такъ же трудно, какъ мужчинѣ въ интеллектуальномъ, при всѣхъ выгодахъ хорошаго воспитанія, не утратить чего-нибудь отъ этого прекраснаго подарка природы; и *женщина*, соединяющая съ изящными манерами большаго свѣта наивный характеръ, точно такъ же достойна высокаго уваженія, какъ и ученый, соединяющій всю строгость школы съ гениальною независимостію мышленія.

Изъ наивнаго мышленія необходимо вытекаетъ и наивное выраженіе какъ словъ, такъ и движеній, и это есть одинъ изъ важнѣйшихъ атрибутовъ граціи. Съ наивною прелестію, гений выражаетъ свои возвышеннѣйшія и глубочайшія мысли: это глаголы изъ устъ дитяти. Если школьный разумъ, вѣчно боящійся заблужденія, распредѣляетъ свои слова и понятія по грамматикѣ и логикѣ, вѣчно сухъ, жестокъ, чтобъ только не быть неточнымъ, многословенъ, чтобъ только не сказать лишняго, скорѣе отнимаетъ силу и остроту у мысли, чтобъ только не показаться непредусмотрительнымъ, то гений однимъ счастливымъ ударомъ кисти придаетъ своей мысли навѣки опредѣленный, твердый и, сверхъ-того, совершенно вольный очеркъ. Если у перваго признаки бывають всегда не мѣтки и чужды означаемому, то у втораго, будто изъ внутренней необходимости, прорывается какъ-будто звукъ изъ мысли, и составляетъ такое цѣлое съ нею, что духъ, даже и подъ тѣлесною оболочкою, кажется намъ обнаженнымъ. Такой родъ выраженія, гдѣ признакъ совершенно исчезаетъ въ означенномъ, гдѣ языкъ, выражая мысль, оставляетъ ее обнаженною, тогда-какъ во всякомъ случаѣ она непременно была бы скрыта — такой родъ выраженія въ письменности преимущественно называется гениальнымъ и глубокомысленнымъ (*geistreich*).

Свободно и естественно, словно гений въ своихъ созданіяхъ, выражается невинность сердца въ живомъ обхожденіи. Извѣстно, что въ общественной жизни люди точно такъ же отклонились отъ простоты и строгой истины выраженія, какъ и отъ простоты нравовъ. Не будучи лукавымъ, часто говоришь то, чего вовсе не думаешь; часто говоришь обвиняками вещи, которыя могли бы огорчить одно только больное самолюбіе, оскорбить одну только испорченную фантазію. Незнаніе условныхъ правилъ, соединенное съ натуральною откровенностію,

презирающею всякую кривизну и все похожее на коварство (не грубость, которая убѣгаетъ этихъ правилъ оттого, что они ей въ

тягость), производитъ наивность въ обращеніи. Эта наивность состоитъ въ томъ, что, недолго думая, называетъ настоящими именами вещи, которыхъ или совсѣмъ нельзя назвать, или только какъ-нибудь весьма-искусственно, обиняками. Такъ, на-примѣръ, выражаются дѣти. Правда, они возбуждаютъ смѣхъ контрастомъ съ нравами, однако всѣ и всегда соглашаются, что они правы.

Хотя наивность мышленія по-настоящему можетъ быть приписана только человѣку, какъ существу подчиненному природѣ не совсѣмъ слѣпо, а до такой только степени, чтобъ чистая природа изъ него еще дѣйствовала; однако, по своенравію поэтизирующаго воображенія, мы часто переносимъ эту наивность отъ разумнаго къ неразумному. Такъ зачастую мы приписываемъ наивный характеръ животному, мѣстоположенію, зданію, даже всей природѣ, какъ контрасту произвола и фантастическихъ понятій человѣка. Но для этого всегда необходимо, безвольному мысленно придавать волю и стараться, чтобъ она была строго направлена къ закону необходимости. Недовольство, проистекающее отъ дурнаго употребленія нашей собственной моральной свободы и отъ потери въ нашемъ бытѣ нравственной гармоніи, часто бываетъ причиною подобнаго настроенія души, и мы обращаемся тогда къ неразумному, поставляемъ ему въ заслугу спокойное положеніе и даже завидуемъ ему въ этомъ, какъ-будто въ его власти не быть тѣмъ, чѣмъ оно есть. Въ такія минуты намъ какъ-будто къ-лицу считать преимущество нашего разума за зло, и живо сознавая несовершенство дѣйствительной жизни, не воздавать справедливости нашему устройству и назначенію.

Въ природѣ мы видимъ тогда только счастливую сестру, оставшуюся въ отеческомъ домѣ, изъ котораго, гордые своею свободой, мы бурно выбѣжали на чужбину. Едва взглянули мы на всѣ передраги цивилизаціи, какъ уже съ тоскливымъ желаніемъ хотимъ назадъ, и изъ далекой области искусства уже слышимъ трогательный зовъ матери. Когда мы были простыми дѣтьми природы, мы были совершенно-счастливы; стали свободными, и потеряли то и другое. Отсюда проистекаетъ двоякая и совсѣмъ различная тоска по природѣ, тоска по ея *блаженству*, тоска по ея *совершенству*. Объ утратѣ перваго сожалеетъ только чувственный человѣкъ; объ утратѣ втораго тоскуетъ только моральный.

Итакъ, допроси себя, другъ природы, лѣньность ли твоя тоскуетъ по ея покою, или оскорбленная нравственность по ея гармоніи? Допроси себя, когда тебѣ омерзѣетъ искусство, и злоупотребленія

общества станут гнать тебя на лоно безжизненной природы, допроси себя, пороки ли и беспорядки ненавидишь ты въ немъ? Ты съ радостью бросишься тогда въ объятія природы, и наградою будетъ для тебя радость. Да, тебѣ позволено тогда поставить спокойное наслажденіе дальною цѣлью, но только наслажденіе, долженствующее быть наградой твоего достоинства. Итакъ прочь жалобы на трудности жизни, покорись имъ самоотверженіемъ

102

(resignation), уважай ихъ какъ естественныя условія жизни; оплакивай зло, но однѣми только слезами. Заботься лучше о томъ, какъ бы среди этихъ золъ самому дѣйствовать чисто, среди капризныхъ переменъ — постоянно, среди анархіи — законно. Та природа, въ которой ты завидуешь неразумному, не стѣдуетъ тоски твоей. Она позади тебя, она должна вѣчно оставаться за тобою. Покинутый лѣстницей, державшей тебя, тебѣ остается только съ сознаниемъ и волею ухватиться за законъ, или безвозвратно пасть въ бездонную пропасть.

Но если ты ужъ утѣшился о потерянномъ счастьи въ природѣ, пусть ея *совершенство* послужить образцомъ для твоего сердца. Когда ты выйдешь изъ своего искусственнаго круга, и она возстанетъ предъ тобою въ своемъ великомъ покоѣ, въ своей наивной красотѣ, въ своей дѣтской невинности и простотѣ, тогда остановись передъ этимъ образомъ и предайся вполнѣ этому чувству: оно достойно твоей прекрасной человѣчности. Не думай болѣе *мѣняться* съ нею, но прійми её въ себя и стремись соединить ея безконечное преимущество съ своею безконечною прерогативною, и произвести изъ нихъ божественное. Да окружить она тебя, подобно прекрасной *идиліи*, въ которой ты, среди заблужденій искусства, всегда снова найдешь самого себя, въ которой соберешься ты съ мужествомъ и съ новою увѣренностью для дальнѣйшаго скитанія, и въ своемъ сердцѣ снова возжешь пламя *идеала*, такъ легко погасающаго въ буряхъ жизни.

Если вспомнить о прекрасной природѣ, окружавшей древнихъ *Грековъ*; если подумать, какъ согласно уживался этотъ народъ, подъ своимъ счастливымъ небомъ съ прекрасною природой, какъ несравненно ближе къ простой природѣ были его образъ воззрѣнія, его чувства, его нравы, и какъ отпечатлѣлась вся природа на его поэзіи, то покажется страннымъ, что въ этой поэзіи мы находимъ такъ мало слѣдовъ того *сантиментальнаго* интереса, съ какимъ мы, новѣйшіе, такъ жадно бросаемся на сцены и характеры

природы. Правда, Грекъ въ высшей степени точенъ, вѣренъ, обстоятеленъ въ описаніи природы, но въ этомъ описаніи не замѣтно ни бѣльшаго жара, ни бѣльшаго сердечнаго участія, чѣмъ, на-примѣръ, въ описаніи одежды, щита, доспѣховъ, домашней утвари, или другаго какого механическаго продукта. Въ своей любви къ объекту, онъ кажется не дѣлаеть никакого различія между-тѣмъ, что само-собою существуетъ и тѣмъ, что производится искусствомъ и человѣческою волею. Природа болѣе интересуеть его любознательность, чѣмъ моральное чувство; онъ не привязывается къ ней съ тою искренностью, чувствительностью, сладкою грустью, какъ мы, новѣйшіе. Олицетворяя, обожая её въ частныхъ явленіяхъ, и представляя ея дѣйствія, какъ дѣянія свободныхъ существъ, онъ уничтожаетъ въ ней спокойную необходимость, посредствомъ которой она для насъ такъ привлекательна. Его нетерпѣливая фантазія заставляетъ его перескакивать черезъ нее къ драмѣ человѣческой жизни. Только характеры, дѣянія, судьбы и нравы удовлетворяють его, и если *мы*, въ извѣстныхъ моральныхъ настройствахъ

103

души желали бы иногда отдать преимущество свободы нашей воли, предающей насъ такимъ раздорамъ съ самими-собою, такимъ безпокойствамъ и заблужденіямъ, за неразборчивую, но спокойную необходимость неразумнаго, то фантазія Грека, совершенно напротивъ, заботится какъ бы зачать человѣческую природу въ бездушномъ мірѣ и тамъ, гдѣ царствуетъ слѣпая необходимость, упрочить вліяніе волѣ.

Между-тѣмъ, какъ природа начала мало-по-малу исчезать изъ человѣческой жизни, какъ *опытность* (Erfahrung) и какъ (дѣйствующій и ощущающій) *субъектъ*, мы видимъ, какъ она восходитъ въ мірѣ поэзіи какъ *идея*, какъ *предметъ*. Нація, болѣе отклонившаяся отъ природы, болѣе разсуждавшая объ этомъ, первая и въ самой сильной степени была поражена феноменомъ *наивнаго* и дала ему имя. Сколько я знаю, этой націей были Французы, хотя пониманіе наивнаго и участіе къ нему безъ-сомнѣнія, были гораздо-старѣе и вели свое лѣтосчисленіе отъ самаго начала моральной и эстетической испорченности. Такая перемѣна въ образѣ ощущенія, уже чрезвычайно бросается въ глаза въ Эврипидѣ, если сравнить его, съ его предшественниками и особенно съ Эсхиломъ, хотя Эврипидъ и былъ любимцемъ своего времени. Такой же переворотъ замѣчаемъ и въ древнихъ

историкахъ. Горацій, поэтъ цивилизованнаго и испорченнаго вѣка, воспѣваетъ сладкое блаженство своего Тибура, и его можно считать за настоящаго основателя этой сантиментальной поэзіи, въ которой онъ до-сихъ-поръ не нашель побѣдителя. Въ Проперціѣ, Виргиліи и другихъ находились слѣды тѣхъ же ощущеній; у Овидія, уже менѣе, но за-то ему недостаетъ полноты сердца. Во время своей ссылки, въ Томахъ, онъ горько тосковалъ по блаженствѣ, котораго некуда было дѣвать Горацію въ Тибуръ.

Поэты всегда, уже по своей идеѣ, *хранители* природы. Гдѣ они не могутъ болѣе быть ими, гдѣ они испытываютъ на себѣ разрушительное вліяніе искусственности, и даже принуждены бьются съ нею бороться, тамъ они или сами *становятся* природой, или ищутъ утраченную природу. Отсюда проистекаютъ два, совершенно различныя, образа стихотворства, которыми наполняется и измѣряется вся область поэзіи. Всѣ поэты, если они только поэты, бьются, смотря по тому къ какому времени принадлежатъ они, или какія случайныя обстоятельства имѣютъ вліяніе на всеобщее ихъ развитіе и на ихъ преходящее расположеніе духа, — бьются или *наивныя*, или *сантиментальныя*.

Поэтъ наивнаго и сильнаго духомъ юношескаго міра, также какъ и поэтъ, который въ вѣкѣ искусственной цивилизаціи ближе всего подходитъ къ этому міру, строгъ и цѣломудренъ, какъ дѣвственная Діана среди лѣсовъ ея; недовѣрчиво бѣжитъ онъ отъ сердца, что его ищетъ, отъ желанія, что хочетъ охватить его. Сухая истина, съ какою онъ обрабатываетъ предметъ свой, кажется нерѣдко безчувственностью. Объектъ преобладаетъ имъ совершенно, его сердце не лежитъ, какъ

104

низкій металлъ подъ первымъ слоємъ, но, какъ золото, требуетъ, чтобъ глубже до него дорывались.

Такъ, на-примѣръ, Гомеръ у древнихъ и Шекспиръ у новѣйшихъ — двѣ природы совершенно разныя, раздѣленныя неизмѣримымъ различіемъ вѣковъ своихъ; но именно въ этой характеристической чертѣ совершенно тождественныя. Когда я, будучи въ самомъ раннемъ возрастѣ, узналъ Шекспира, меня возмутила его холодность, нечувствительность, позволявшая ему шутить среди самага высокаго паѳоса, мѣшать эффекту самыхъ поразительныхъ сценъ въ «Гамлетѣ», «Королѣ Лирѣ», въ «Макбетѣ» и т. д. появленіемъ какого-нибудь шута; задерживавшая его тамъ, гдѣ быстро летѣли впередъ мои ощущенія, и хладнокровно

уносившая впередъ, гдѣ моему сердцу хотѣлось помедлить. Новѣйшіе поэты приучили меня отыскивать прежде всего стихотворца въ произведеніи, встрѣчаться съ *его* сердцемъ, вмѣстѣ съ *нимъ* отражаться въ его предметъ, однимъ словомъ, созерцать объектъ въ субъектѣ. Мнѣ было невыносимо, что поэтъ нигдѣ не давался мнѣ въ руки, нигдѣ не хотѣлъ отвѣчать мнѣ. Много лѣтъ пользовался онъ всѣмъ моимъ уваженіемъ и былъ предметомъ моего изученія, прежде нежели я могъ полюбить его личность. Я не дошелъ еще тогда до пониманія природы изъ первыхъ рукъ. Я могъ сносить ея образъ, только отраженный разсудкомъ и подправленный правиломъ, а сантиментальные стихотворцы Французовъ и нѣмцевъ, съ 1750 года почти до самаго 1780, ни на шагъ не удалялись отъ этого. Впрочемъ, я не стыжусь этого ребяческаго сужденія, тѣмъ-болѣе что сама престарѣлая критика произнесла такой же приговоръ, и до-того была наивна, что хотѣла навязать его цѣлому свѣту.

То же самое случилось со мною и при изученіи Гомера, котораго я узналъ уже нѣсколько позднѣе. Мнѣ пришло теперь на память замѣчательное мѣсто изъ шестой книги «Иліады», гдѣ Главкъ съ Діомедомъ встрѣчаются въ битвѣ, и узнавъ, что они другъ у друга бывали въ гостяхъ, мѣняются подарками. Съ этой трогательною картиною соблюденія законовъ *гостеприимства* даже и на войнѣ, можетъ идти въ параллель описаніе рыцарскаго *благородства* въ Аріостѣ, гдѣ два рыцаря и соперники — Ферро и Ринальдъ, одинъ христіанинъ, другой Сарацынъ, мирятся послѣ страшной битвы другъ съ другомъ, и, покрытые ранами, оба садятся на одного коня, чтобъ настичь похищенную Анжелику. Какъ ни различны между собою, эти два примѣра, они производятъ почти одинакое дѣйствіе на наше сердце, потому-что оба живописуютъ прекрасную побѣду обычаевъ надъ страстями и трогаютъ насъ наивною чувствъ. Но какъ различно берутся поэты за описаніе подобнаго поступка! Аріостъ, гражданинъ позднѣйшаго и отъ простоты нравовъ уже отклонившагося вѣка, при разсказѣ этого происшествія, не можетъ скрыть ни своего удивленія, ни растроганности. Разность его современныхъ нравовъ отъ прежнихъ поборааетъ его. Онъ вдругъ бросаетъ предметъ и является въ собственномъ лицѣ. Извѣстенъ прекрасный стансъ, которому особенно удивлялись.

Соперники различныхъ вѣрѣ и мнѣній,
Еще въ крови отъ шрамовъ и рубцовъ,
Страдавшіе отъ боли и мученій,

Скакали вмѣстѣ, ночью, вдоль лѣсовъ,
Безъ злобныхъ думъ, безъ черныхъ подозрѣній!
Подъ ними конь и рвался и дрожалъ
Доколѣ ихъ къ распутию не примчалъ².

Послушаемъ теперь древняго Гомера. Лишь-только Діомедъ узнаётъ изъ разсказа Главка, своего противника, что онъ съ давнихъ временъ гость въ его родѣ, какъ тутъ же вонзаетъ копьё въ землю, заводитъ съ нимъ дружескую бесѣду и уговаривается съ нимъ избѣгать другъ друга въ битвѣ. Но послушаемъ самаго Гомера:

Храбрый! отнынѣ тебѣ я средѣ Аргоса гость и пріятель,
Ты же мнѣ въ Ликии, если прійду я къ народамъ ликійскимъ.
Съ копьями жъ нашими будемъ съ тобой и въ толпахъ
расходиться.

Множество здѣсь для меня и Троянѣ и союзниковъ славныхъ;
Буду разить кого Богъ приведетъ и кого я постигну.
Множество здѣсь для тебя Аргивянѣ — поражай кого можешь.
Главкѣ! обмѣняемся нашимъ оружіемъ; пусть и другіе
Знаютъ, что дружбою мы со временъ праотцовскихъ гордимся;
Такъ говорили они, и, съ своихъ колесницъ соскочивши,
За руки оба взялись и на дружбу взаимно клялися.

Едва ли *новѣйшій* поэтъ (по-крайней-мѣрѣ поэтъ въ моральномъ значеніи слова) удержался бы до-сихъ-поръ, и не высказалъ своего восторга на счетъ этого поступка. И мы тѣмъ скорѣе простили бы ему это, что и наше сердце тоже останавливается въ чтеніи, и охотно удаляется отъ объекта, чтобъ заглянуть въ самаго себя. Но ничего подобнаго нѣтъ и слѣда у Гомера; онъ разсказываетъ объ этомъ, какъ о самой обыкновенной вещи, и продолжаетъ со своей сухою правдивостью, какъ-будто у него самаго нѣтъ сердца въ груди:

Въ оное время у Главка разсудокъ восхитилъ Кроніонъ:
Онъ Діомеду-герою доспѣхъ золотой свой на мѣдный,
Во сто цѣнимый тельцовъ, обмѣнялъ на стоящій девять³.

² Неистовый Роландъ. Пѣснь первая. Стансъ 32.

³ Илиада, переводъ Гнѣдича. Пѣснь VI. Стран. 177.

Поэты такого наивнаго рода ужъ болѣе не на своемъ мѣстѣ въ искусственомъ вѣкѣ. Они даже едва возможны въ немъ, развѣ если они совсѣмъ убѣгутъ отъ своего вѣка, и какъ-нибудь при помощи благосклонной судьбы укроются отъ его вліянія. Изъ самаго общества они уже не могутъ развиваться, но внѣ его они являются иногда, болѣе какъ пришлецы, которымъ дивятся. Какими бы ни были они благодѣтельными явленіями для художника, который изучаетъ, и для истиннаго знатока, который умѣетъ цѣнить ихъ, имъ мало счастливится вообще

106

а въ ихъ вѣкѣ въ-особенности. Мы только хотимъ, чтобы музы насъ баюкали и качали. Критики, хранители вкуса, ненавидятъ ихъ, и готовы, пожалуй, совсѣмъ искоренить ихъ. Даже самъ Гомеръ одолженъ только своему вѣковому авторитету, что эти хранители вкуса оставляютъ его въ покоѣ; правда, имъ часто круто приходится утверждать свои правила вопреки его примѣра, и его великость вопреки своихъ правилъ.

Поэтъ, сказалъ я, есть или сама природа, или будетъ *искать* ее. Черезъ одно онъ становится наивнымъ, черезъ другое сантиментальнымъ поэтомъ.

Поэтическій духъ безсмертенъ и не можетъ погибнуть въ челоѳчествѣ; онъ не можетъ погибнуть иначе, какъ вмѣстѣ съ нимъ, и съ любовью челоѳчества къ нему. Потому-что если челоѳкъ и удалится черезъ свободу своей фантазіи и разума отъ простоты, истины и необходимости природы, то ему нетолько всегда открытъ путь къ ней, но его еще непрерывно влечетъ назадъ къ ней мощное и неискоренимое моральное побужденіе, и съ этимъ то самымъ побужденіемъ связана наитѣснѣйшимъ родствомъ поэтическая способность. Слѣдовательно, она не утрачивается вмѣстѣ съ естественною простотою, но только дѣйствуетъ по другому направленію.

Даже и тутъ природа есть единственное пламя, которымъ питается духъ поэзіи; изъ этого пламени почерпаетъ онъ всю свою силу, съ нимъ однимъ говоритъ онъ въ искусственомъ, углубившемся въ цивилизацію челоѳкѣ. Всякій другой образъ дѣйствія чуждъ поэтическому духу: оттого, скажу мимоходомъ, всѣ такъ называемыя остроумныя произведенія совсѣмъ несправедливо называются поэтическими, хотя мы, сбитые съ толка авторитетомъ французской литературы, и смѣшали ихъ съ поэтическими. Природа, повторяю, и теперь еще, среди искусственого состоянія

цивилизациі, одна только даетъ силу поэтическому духу; только теперь онъ совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ съ нею.

Пока человѣкъ еще чистая, разумѣется, не грубая природа, онъ дѣйствуетъ, какъ нераздѣльное, чувственное единство, какъ гармоническое цѣлое. Чувства и разумъ, имчивая и самостоятельная способность, еще не успѣли раздѣлиться въ своихъ отправленіяхъ, но скорѣе противорѣчатъ другъ другу. Его ощущенія не безобразная игра случая, его мысли не пустая игра воображенія; изъ закона *необходимости* вытекаютъ одни, изъ *дѣйствительности* другія. Но когда человѣкъ входитъ въ состояніе цивилизациі, и искусство налагаетъ на него свою руку, тогда уничтожается въ немъ та *чувственная* гармонія и онъ можетъ только выражаться, какъ *моральное* единство, т.-е. какъ стремящійся къ единству. Гармонія ощущенія съ мыслительностью, существовавшая прежде *дѣйствительно*, существуетъ теперь только *идеально*; она уже болѣе не въ немъ, но внѣ его, какъ мысль, которая должна еще осуществиться, а не какъ фактъ его жизни. Если приспособить идею поэзіи, которая въ-сущности заключается въ томъ

107

только, чтобъ *дать* человечеству въ высшей степени его возможное *выраженіе*, къ обоимъ тѣмъ состояніямъ, то выйдетъ, что въ состояніи естественной простоты, когда человѣкъ еще дѣйствуетъ всѣми своими силами, какъ гармоническое единство, когда цѣлое его природы совершенно выражается въ дѣйствительности, тогда возможно-полное *подражаніе дѣйствительности* должно составлять *всю силу поэта*. Напротивъ-того, въ состояніи цивилизациі, гдѣ гармонія человѣческой природы заключается только въ идеѣ, силу поэта составляетъ возведеніе дѣйствительности до идеала, или, что одно и то же, *представленіе идеала*. Вотъ два единственно возможные образа, въ которыхъ можетъ выражаться поэтической гений. Они, какъ видимъ, совершенно различны другъ отъ друга; но есть еще высшее понятіе, совокупляющее въ себѣ ихъ обоихъ; и совсѣмъ не должно казаться страннымъ, если это понятіе есть не что иное, какъ самая идея человечества.

Здѣсь не мѣсто развивать эту мысль, освѣтить которую можетъ только уже самое выполненіе. Но тотъ, кто не по однимъ случайнымъ формамъ, а по духу способенъ сравнивать древнихъ поэтовъ съ новыми, легко убѣдится въ ея справедливости. Древніе

поэты трогают насъ природою, чувственною справедливостію, живымъ настоящимъ; новые — только идеями.

Путь, по которому идутъ новѣйшіе поэты, есть впрочемъ тотъ же самый, на какой вообще слѣдовало бы войти челоуку, какъ въ частностяхъ, такъ и въ цѣломъ. Природа соединяетъ его съ самимъ собою; искусство раздѣляетъ и разобщаетъ; посредствомъ идеала онъ возвращается къ единству. Но такъ-какъ идеаль есть нѣчто безконечное, чего ему никогда не достигнуть, то цивилизованный челоукъ въ своемъ родѣ никогда не можетъ сдѣлаться совершеннымъ, чего всегда достигаетъ въ своемъ родѣ естественный челоукъ. Потому онъ былъ бы долженъ безконечно уступить послѣднему въ совершенствѣ, если только смотрѣть на отношеніе, въ какомъ оба они находятся къ ихъ роду и максимуму. Но если, напротивъ, сравнимъ самые роды, то увидимъ, что цѣль, къ которой челоукъ *стремится* черезъ цивилизацію, безконечно предпочтительнѣе той, которой онъ *достигаетъ* черезъ природу. Одинъ становится достойнымъ черезъ абсолютное достиженіе конечной величины, другой черезъ приближеніе къ безконечной. Но такъ-какъ послѣдняя только имѣетъ *степени*, то относительное достоинство челоука среди цивилизаціи, взятое вообще, никогда не можетъ быть опредѣлительно, хотя, рассматриваемое частно, необходимо уступить достоинству челоука, въ которомъ дѣйствуетъ природа во всемъ своемъ совершенствѣ. Но такъ-какъ послѣднюю цѣль не иначе можно достигнуть, какъ преуспѣяніемъ, а какъ челоукъ не иначе можетъ преуспѣвать, какъ цивилизуясь, слѣдовательно переходя въ первый разрядъ, то нѣчего и спрашивать, кому изъ двухъ принадлежитъ предпочтеніе относительно послѣдней цѣли.

Все сказанное мною о двухъ различныхъ формахъ челоучества, можно приложить и къ соответствующимъ имъ поэтическимъ формамъ.

108

Вслѣдствіе этого, древніе и новые, наивные и сантиментальные — поэты или совсѣмъ не должны быть сравниваемы между собою, или только подъ однимъ общимъ, высшимъ понятіемъ (а такое дѣйствительно существуетъ). Въ самомъ-дѣлѣ, стоить только извлечь родовое понятіе поэзіи изъ древнихъ поэтовъ, и ничего нѣтъ легче, но также и тривіальнѣе, какъ унижать передъ ними новѣйшихъ. Если поэзія состоитъ въ томъ только, что во всѣ времена однообразно дѣйствовало на

простую природу, то новѣйшихъ поэтовъ слѣдовало бы непризнавать за поэтовъ въ ихъ самыхъ оригинальныхъ, самыхъ возвышенныхъ красотахъ за то только, что они въ нихъ говорятъ питомцу искусства и не имѣютъ никакого дѣла съ простою природой. Кто не развитъ еще до такой степени, чтобъ черезъ дѣйствительность перешагнуть въ царство идей, для того богатѣйшее содержаніе будетъ казаться пустымъ, и высочайшій поэтическій полетъ — натяжкой. Не одному умному человѣку не прійдетъ на мысль сравнивать какое-нибудь мѣсто въ Гомерѣ, гдѣ онъ великъ, съ подобнымъ мѣстомъ у какого-нибудь изъ новѣйшихъ поэтовъ, и, право, смѣшно слышать, какъ Мильтона, или Клопштока чествуютъ именемъ новыхъ Гомеровъ. Точно также невыдержать сравненія какому нибудь изъ древнихъ поэтовъ, и всего менѣе Гомеру, съ новѣйшими поэтами въ томъ, что составляетъ ихъ характеристическую черту. Древніе поэты, если позволено такъ выразиться, мощны искусствомъ *ограниченія*; новѣйшіе — искусствомъ *безконечнаго*.

Вотъ потому-то самому, что сила древняго художника (все что здѣсь говорится о поэтѣ, можетъ съ нѣкоторыми ограниченіями, быть сказано и о всякомъ изящномъ художникѣ) состоитъ въ ограниченіи, ясно то высокое преимущество древности въ образовательныхъ искусствахъ передъ новѣйшимъ временемъ, и вообще то неравенство достоинствъ поэзіи и образовательнаго искусства новаго времени съ древними. Произведеніе для глазъ бываетъ совершенно только въ ограниченіи; произведеніе для воображенія, напротивъ, только въ безграничности. Оттого въ пластическихъ искусствахъ новѣйшимъ художникамъ мало помогаетъ ихъ превосходство относительно идей; они принуждены опредѣлять въ пространствѣ образъ своего воображенія самымъ наиточнѣйшимъ образомъ, и, слѣдственно, войти въ соперничество съ древними художниками въ качествѣ, въ которомъ послѣдніе имѣютъ неоспоримое преимущество. Другое дѣло въ поэтическихъ произведеніяхъ. Правда, древній поэтъ и тутъ, пожалуй, побѣждаетъ простотою формъ, и тѣмъ, что можно представить чувственно, и, такъ-сказать, осязаемо; но новѣйшій далеко оставитъ его за собою въ богатствѣ содержанія, въ томъ, чего нельзя представить и выразить образно, однимъ словомъ, въ томъ, что въ произведеніяхъ искусства называется духомъ.

Такъ-какъ наивный поэтъ слѣдуетъ только простой природѣ и ощущенію и ограничивается только подражаніемъ

дѣйствительности, то и имѣеть къ своему предмету только одно отношеніе и, слѣдовательно, для него не существуетъ никакого выбора въ исполненіи. Различное

109

впечатлѣніе наивныхъ произведеній основывается (если исключимъ все касающееся до содержанія, и будемъ разсматривать это впечатлѣніе со стороны одного только поэтическаго выполненія), основывается, говорю я, только на различной *степени* одного и того же образа ощущенія. Даже различіе во внѣшнихъ формахъ не въ состояніи произвести никакой перемѣны въ качествѣ эстетическаго впечатлѣнія. Лирическая ли форма или эпическая, драматическая, или описательная передъ нами, мы растроганы только слабѣе или сильнѣе, но (если только не беремъ въ соображеніе содержанія) никогда различнымъ образомъ. Чувство наше остается постоянно однимъ и тѣмъ же, изъ *одного* и того же элемента, такъ-что мы не можемъ дѣлать въ немъ никакихъ различій. Даже разность языковъ и вѣка ничего здѣсь не измѣняетъ, потому-что въ этомъ-то чистомъ единствѣ происхожденія и эффекта наивной поэзіи и состоитъ весь ея характеръ.

У сантиментальнаго поэта уже совершенно-иначе. Онъ *отражаетъ* впечатлѣніе, производимое на него предметами, и на этомъ отраженіи основывается то, что онъ самъ растроганъ и заставляетъ насъ быть растроганными. Предметъ у него весь подчиненъ идеѣ и на этомъ подчиненіи покоится вся его поэтическая сила. Потому сантиментальный поэтъ имѣеть всегда дѣло съ двумя несогласными представленіями и ощущеніями — съ дѣйствительностью, какъ границей и съ своею идеею, какъ съ безконечнымъ; и смѣшанное чувство, которое онъ возбуждаетъ, всегда носить на себѣ отпечатокъ этого двойственнаго источника.

Стало-быть сюда входитъ множественность принциповъ и все дѣло состоитъ въ томъ, который изъ двухъ *перевѣситъ* въ ощущеніи и представленіи поэта; такимъ-образомъ различіе въ исполненіи, уже становится возможнымъ. Отсюда проистекаетъ вопросъ, остановится ли онъ болѣе на дѣйствительности, или на идеалѣ; представитъ ли онъ дѣйствительность какъ предметъ отвращенія, или идеалъ, какъ предметъ своей симпатіи. Такимъ-образомъ его представленіе будетъ или *сатирическое*, или (въ обширнѣйшемъ значеніи слова, которое объяснимъ въ-послѣдствіи) *элегическое*: одного изъ этихъ двухъ родовъ ощущенія непремѣнно держится каждый сантиментальный поэтъ.

Поэтъ бываетъ сатирическимъ, когда своимъ предметомъ онъ избираетъ удаленіе отъ природы и разладъ дѣйствительности съ идеаломъ (то и другое дѣйствуетъ одинаково на душу). Онъ выполняетъ это или серьёзно и съ эффектомъ, или шутливо и съ веселостью, смотря по тому, блуждаетъ ли онъ въ области воли, или въ области разсудка. Въ первомъ случаѣ происходитъ *карающая*, или патетическая, во второмъ *шутливая* сатира.

Въ строгомъ смыслѣ и тонъ кары и тонъ забавы чужды цѣли поэта. Первый слишкомъ-важенъ для игры, чѣмъ всегда должна быть поэзія; второй слишкомъ пустъ для серьёзности, которая должна быть основаніемъ всякой поэтической игры. Моральныя противорѣчія по-необходимости интересуютъ наше сердце, и потому отнимаютъ свободу

110

духа; изъ поэтической трогательности долженъ быть изгнанъ всякій собственный интересъ, т.-е. всякое отношеніе къ нуждѣ. Противорѣчія разсудка, напротивъ, оставляютъ сердце равнодушнымъ, хотя поэтъ и имѣетъ здѣсь дѣло съ высочайшею потребностью сердца, съ природою и идеаломъ. И потому для поэта представляется здѣсь не маловажная задача: во-первыхъ, не оскорбить въ патетической сатирѣ поэтической формы, состоящей въ свободѣ игры; во-вторыхъ въ шутливой, не выпустить изъ вида поэтическаго содержанія, которое всегда должно заключаться въ безконечномъ. Эта задача можетъ быть рѣшена только однимъ способомъ. Карающая сатира достигаетъ поэтической свободы, переходя въ возвышенное; шутливая сатира получаетъ поэтическое содержаніе, обрабатывая предметъ свой съ изящностью.

Дѣйствительность въ сатирѣ въ видѣ недостатковъ противопоставляется идеалу, какъ высшей реальности. Впрочемъ, поэту совсѣмъ ненужно высказывать этого недостатка; довольно того, если онъ сумѣетъ пробудить мысль о немъ въ душѣ нашей; и это выйдетъ у него, иначе онъ не будетъ поэтически дѣйствовать. Дѣйствительность въ такомъ случаѣ будетъ необходимымъ предметомъ отвращенія; но, что здѣсь всего важнѣе, это отвращеніе непременно должно истекать изъ противопоставленнаго идеала. Отвращеніе имѣетъ часто чувственный источникъ, а пожалуй основывается и на нуждѣ. Намъ часто кажется, что мы ощущаемъ моральное негодованіе на свѣтъ, потому только, что насъ порою ожесточаетъ разладъ нашихъ склонностей со свѣтомъ. Вотъ на этомъ-то матеріальномъ интересѣ и вертится обыкновенный

сатирикъ, и такъ-какъ ему удастся этимъ путемъ привести насъ въ эффектъ, то онъ ужъ и воображаетъ, что наше сердце въ его власти и что онъ великъ въ паѳосъ. Но паѳосъ изъ подобнаго источника недостойнъ поэзіи, потому-что она должна трогать насъ однѣми идеями и только посредствомъ разума отыскивать путь къ нашему сердцу. Этотъ нечистый, матеріальный паѳосъ всегда обнаруживается въ перевѣсѣ страданія, въ мучительномъ напряженіи духа, тогда какъ истинный поэтический паѳосъ узнаётся по перевѣсу самодѣтельности и по свободѣ духа, которая также состоитъ въ эффектѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, если трогательность вытекаетъ изъ противопоставленнаго дѣйствительности идеала, то въ величіи этого идеала исчезаетъ всякое тяжелое чувство, и возвышенность идеи, которой мы исполнены, возвышаетъ насъ надъ границами извѣданнаго міра. При представленіи испорченной дѣйствительности, все зависитъ отъ того, чтобы необходимое было грунтомъ, на которомъ поэтъ, или раскащикъ наноситъ дѣйствительность и чтобы онъ умѣлъ настраивать насъ къ идеямъ. Когда мы возвышенно настроены, то еще ничего, если предметъ далеко ниже насъ. Историкъ Тацитъ, описывая глубокой упадокъ Римлянъ въ первомъ вѣкѣ, является намъ высокимъ умомъ, взирающимъ съ высоты своей на низкое и пошлое, и мы тогда въ-самомъ-дѣлѣ поэтически настроены, потому-что только высота, на которой онъ самъ

111

стоитъ, и на которую онъ умѣлъ возвести насъ, дѣлаетъ предметъ его низкимъ.

Итакъ патетическая сатира истекаетъ только изъ души, живо проникнутой идеаломъ. Только закоренѣлое стремленіе къ гармоніи можетъ и должно производить то глубокое чувство моральныхъ противорѣчій, то пламенное негодованіе къ моральной испорченности, которое становится вдохновеніемъ въ Ювеналѣ, Свифтѣ, Руссо, Галлерѣ и другихъ. Эти самые поэты создавали бы и должны были бы такъ же удачно творить и въ трогательномъ, нѣжномъ родѣ, еслибъ случайныя причины съ раннихъ лѣтъ не дали ихъ духу опредѣленнаго направленія; такъ и было отчасти. Всѣ они или жили въ растлѣнномъ вѣкѣ; передъ глазами ихъ совершались отвратительныя сцены моральной испорченности, а собственныя испытанія отравили горечью сердца ихъ. Самый философскій духъ, отдѣляющій съ неумолимою строгостью видимость отъ сущности, и проникающій въ глубины

вещей, склоняетъ душу къ той жесткости и чернотѣ красокъ, съ какими Руссо, Галлеръ и другіе живописуютъ дѣйствительность.

Впрочемъ, всѣ эти внѣшнія и случайныя вліянія, дѣйствующія всегда стѣснительнымъ образомъ, развѣ только опредѣляютъ ходъ вдохновенія, но никогда не дадутъ ему содержанія: оно должно быть всегда однимъ и тѣмъ же; должно, очищенное отъ всякой внѣшней нужды, вытекать изъ пламеннаго стремленія къ идеалу, который есть единственное истинное призваніе къ сатирической и вообще сантиментальной поэзіи.

Если патетическая сатира зараждается въ *возвышенную* душою, то насмѣшливая удается только *прекрасному* сердцу. Между-тѣмъ-какъ одна уже въ-слѣдствіе своего серьезнаго содержанія застрахована отъ всякой мелочности; другая, обрабатывающая предметъ внѣ всякой морали, непременно впадетъ въ эту мелочность, и потеряетъ всю поэтическую силу, если исполненіе въ ней не облагородитъ содержанія, и *субъектъ* поэта не замѣнитъ его *объекта*. Только прекрасному сердцу дано, независимо отъ представляемаго предмета, отпечатлѣвать на каждомъ выраженіи полный образъ самаго себя. Возвышенный характеръ проявляется только въ одиначныхъ побѣдахъ надъ упрямую чувственностью и то только въ моментъ вдохновенія и во время минутнаго напряженія; въ прекрасныхъ душахъ напротивъ, идеаль дѣйствуетъ какъ природа, однообразно, и потому можетъ проявляться и въ состояніи покоя. Глубокое море величественнѣе въ бурю, свѣтлый потокъ прекраснѣе въ своемъ мирномъ теченіи.

Сколько разъ принимались спорить о томъ, трагедія ли или комедія имѣетъ преимущество. Если этимъ только спрашиваютъ, которая изъ нихъ занимается важнѣйшимъ предметомъ, то безъ всякаго сомнѣнія первенство останется за трагедіею; но если хотятъ знать, которая изъ нихъ требуетъ важнѣйшаго субъекта, то приговоръ скорѣе будетъ въ пользу комедіи. Въ трагедіи много происходитъ уже отъ

самаго содержанія, въ комедіи же ничего не происходитъ отъ содержанія, но все отъ поэта. А такъ-какъ въ сужденіяхъ о вкусѣ, матерія никогда не принимается въ разсмотрѣніе, то эстетическое достоинство этихъ обоихъ родовъ искусства будетъ естественно, въ обратномъ содержаніи ихъ матеріальной важности. Трагическаго поэта выноситъ его объектъ, напротивъ-того, комическій долженъ, посредствомъ своего субъекта, удерживать объектъ свой на

эстетической высотѣ. Одинъ долженъ увлекаться, что совсѣмъ не трудно; другой, оставаться вѣрнымъ самому себѣ, слѣдовательно, долженъ быть, и быть какъ дома, тамъ, куда другой достигаетъ только напряженіемъ. Вотъ этимъ-то именно прекрасный характеръ и отличается отъ возвышеннаго. Первый полонъ величія: онъ непринужденно и безъ труда вытекаетъ изъ его природы; онъ самъ, по своему значенію, есть нѣчто безконечное на каждой точкѣ своего пути; второй можетъ напряженіемъ возвыситься до любого величія. Одинъ свободенъ только по временамъ и съ усиленіемъ, другой легко и постоянно.

Производить и питать въ насъ эту свободу души есть прекрасная задача комедіи, между-тѣмъ какъ трагедіи дано эстетическимъ путемъ возстановлять свободу духа, насильно уничтоженную аффектомъ. И потому свобода духа должна быть искусственнымъ образомъ уничтожена, чтобъ въ возстановленіи ея трагедія могла проявить свою поэтическую силу. Въ комедіи, напротивъ, должно стараться, чтобъ свобода духа оставалась неприкосновенною. Вотъ почему трагическій поэтъ обрабатываетъ содержаніе свое всегда практически; комическій, напротивъ, всегда теоретически, даже еслибъ изъ каприза первый (какъ Лессингъ въ своемъ «Наванѣ») принялся за теоретическую матерію, а второй за практическую. Не міръ, изъ котораго почерпается предметъ, но форумъ, предъ которымъ предстаетъ съ нимъ поэтъ, дѣлаетъ его трагическимъ или комическимъ. Трагикъ долженъ остерегаться спокойныхъ размышленій и всегда интересоваться сердце; комикъ долженъ остерегаться пафоса и занимать разумъ. Потому первый являетъ свое искусство постояннымъ возбужденіемъ, второй постояннымъ усмиреніемъ страсти; и это искусство, естественнымъ образомъ, тѣмъ выше у обоихъ, чѣмъ предметъ отвлеченнѣе у одного, и патетичнѣе у другаго. Итакъ, если трагедія выходитъ изъ болѣе важнаго источника, то, съ другой стороны, должно признаться, что комедія стремится къ болѣе-важной цѣли, и если только достигнетъ ея, всѣ трагедіи сдѣлаются лишними и невозможными. Ея цѣль тождественна съ высочайшей цѣлью, къ какой только стремится человекъ — быть свободнымъ отъ страстей, вѣчно ясно, вѣчно спокойно смотрѣть вокругъ себя и въ себя, и болѣе смѣяться надъ странностями, нежели негодовать на злость и плакать отъ злости.

Какъ въ дѣйствительной жизни, такъ и въ поэтическихъ представленіяхъ, часто случается смѣшивать легкое чувство,

пріятный талантъ, веселое добросердечіе съ красотою души, и такъ-какъ пошлый вкусъ никогда не восходитъ выше пріятнаго, то такимъ *миленькимъ* умамъ

113

очень-легко завладѣть тою славою, которую такъ трудно заслужить. Есть, однакожь, вѣрное, необманчивое средство, помощью котораго можно отличить легкость натуры въ человѣкѣ отъ легкости идеала, такъ же какъ доброту темперамента отъ истинной нравственности характера, и это средство бросается въ глаза, когда миленькій умъ и прекрасная душа пріймутся за какой-нибудь трудный и великій объектъ. Въ этомъ случаѣ миленькій умъ непременно вдается въ плоскость, а доброта темперамента въ матеріальность; истинно-прекрасная душа, напротивъ, навѣрное перейдетъ въ возвышенное.

Пока Луціанъ смѣется только надъ странностями, какъ, на-примѣръ, въ «Желаніяхъ», въ «Лапиоахъ», въ «Юпитерѣ-Трагедѣ» и др., онъ остается насмѣшникомъ и забавляетъ насъ своимъ веселымъ юморомъ; но изъ него выходитъ совсѣмъ другой человѣкъ во многихъ мѣстахъ «Нигрина», «Тимона», «Александра», гдѣ его сатира поражаетъ также и моральную испорченность. «Несчастный», такъ начинается онъ въ «Нигринѣ» отвратительную картину тогдашняго Рима, «зачѣмъ покинулъ ты свѣтъ солнца, Грецію, и т. д.» При такихъ картинахъ должна уже проявляться высокая серьезность чувства и служить основой всякой поэтической игры. Даже въ злобныхъ шуткахъ, въ какихъ, какъ Луціанъ, такъ и Аристофанъ глумятся надъ Сократомъ, проглядываетъ серьезный разумъ, мстящій софисту за истину и защищающій идеалъ, котораго только онъ не всегда высказываетъ. Луціанъ въ своемъ «Діогенѣ» и «Демонаксѣ» ясно показалъ, какимъ долженъ быть подобный характеръ; между новѣйшими поэтами - какую великую и прекрасную душу выражаетъ Сервантесъ въ своемъ «Донъ-Кихотѣ»! Чтó за прекрасный идеалъ былъ въ душѣ поэта, создавшаго «Тома Джонса и Софью»! Какъ можетъ насмѣшникъ Юрикъ, такъ сильно, такъ возвышенно потрясать нашу душу? Въ Виландѣ я тоже узнаю эту серьезность чувства: грація его сердца облагороживаетъ самую своенравную оригинальность, даже на ритмѣ его пѣсни она напечатлѣваетъ свой образъ, и у него никогда нѣтъ недостатка въ силѣ полета, чтобы, когда понадобится, и насъ вознести съ собою на недостижимую высоту.

Того уже нельзя сказать о вольтеровской сатирѣ. Правда, и у него истина и простота природы иногда трогаютъ насъ поэтически;

нѣтъ нужды, достигаетъ ли онъ этой простоты въ наивномъ родѣ, какъ на-примѣръ, часто въ своемъ «Ingénu», или только ищетъ ихъ и мститъ за нихъ, какъ на-примѣръ, въ своемъ «Кандидѣ». Но въ другихъ случаяхъ онъ хотя и забавляетъ насъ, какъ остроумный человѣкъ, однакожь никогда не трогаетъ, какъ поэтъ. Его насмѣшка вездѣ нуждается въ серьезной основѣ, а это-то и заставляетъ подозрѣвать его поэтическое призваніе. Мы всегда встрѣчаемся только съ его разсудкомъ, рѣдко съ чувствомъ. Подъ веселой оболочкой мы не видимъ у него никакого идеала; въ его вѣчной рѣзвости — почти ничего совершенно-сильнаго и крѣпкаго. Его удивительное разнообразіе во внѣшнихъ формахъ вовсе не ручается за полноту души его, напротивъ, скорѣе доказываетъ противное: потому-что изъ всѣхъ этихъ формъ онъ не

114

нашелъ ни *одной*, гдѣ бы могъ выливать свое сердце. Право, можно думать, что только бѣдность въ сердцѣ указала ему на призваніе къ сатирѣ. Иначе на своемъ обширномъ пути онъ непременно гдѣ-нибудь, да вышелъ бы изъ этой дурной колеи. Но мы видимъ, что при всемъ разнообразіи матеріи внѣшнихъ формъ, его внутренняя форма всегда вертится на скудномъ и вѣчно одномъ и томъ же, и несмотря на груды своихъ томовъ, онъ все-таки не исчерпалъ собою всего круга человѣчества, по которому съ наслажденіемъ пробѣгаешь въ сатирикахъ, о которыхъ мы выше упомянули.

НАИВНАЯ и САНТИМЕНТАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ.

(Изъ Шиллера.)

Статья вторая и послѣдняя.

=

Если поэтъ противопоставляетъ природу искусству, а идеаль дѣйствительности такимъ-образомъ, что представленіе природы и идеала становится владычествующимъ, а интересъ къ нимъ главнымъ ощущеніемъ, то такого поэта я называю *элегическимъ*. Этотъ родъ, такъ же какъ и сатира, имѣетъ два подраздѣленія. Природа и идеаль могутъ быть разсматриваемы или какъ предметы тоски, если одна представлена утраченною, а другой недостижимымъ; или, какъ предметы радости, въ томъ смыслѣ, что они дѣйствительны. Изъ перваго происходитъ *элегія* въ тѣснѣйшемъ, изъ другаго *идилія* въ обширнѣйшемъ значеніи.

Какъ негодованіе въ патетической и насмѣшка въ забавной сатирѣ, такъ и печаль въ элегіи должны вытекать изъ вдохновенія, пробужденнаго идеаломъ. Только черезъ это достигаетъ элегія поэтическаго достоинства; всякой другой источникъ ниже поэзіи. Элегическій поэтъ ищетъ природу, но въ красотѣ, а не въ одной ея пріятности, въ ея гармоніи съ идеями, а не въ одной снисходительности ея къ нуждамъ. Тоска по потеряннымъ радостямъ, по золотому вѣку, исчезнувшему изъ міра, по улетѣвшему счастью юности, любви и т. д., тогда только становится предметомъ для элегіи, когда эти состоянія чувственнаго міра можно, вмѣстѣ съ тѣмъ, представить и предметами моральной гармоніи. И потому, какъ ни трогательны жалобныя пѣсни Овидія, которыя онъ поетъ въ Эвксинѣ, мѣстѣ своего изгнанія, сколько поэзіи ни заключается въ ихъ частностяхъ — въ цѣломъ они, по мѣру, не могутъ быть признаны за поэтическое произведеніе. Въ его гортѣ слишкомъ-мало энергіи, слишкомъ-мало души и благородства. Не вдохновеніе, нужда испустила эти жалобные крики; въ нихъ слышна, если и не простая, обыкновенная душа, то все-таки обыкновенное настроеніе

благородной души, павшей подъ игомъ рока. Правда, если вспомнимъ, что онъ оплакиваетъ Римъ, и Римъ время Августу, то

сыну нѣги мы прощаемъ скорбь его; но даже и великолѣпный Римъ со всѣми его блаженствами, необлагороженный воображеніемъ, есть только конечная величина, и потому недостойный объектъ для поэтическаго искусства, которое, будучи выше всякой вещественности, имѣетъ право тосковать только по безконечномъ.

Итакъ, содержаніемъ поэтической жалобы долженъ быть не внѣшній, но всегда внутренній идеальный предметъ; даже оплакивая какую-нибудь дѣйствительную потерю, она должна сперва пересоздать ее въ идеальную. Собственно въ этомъ-то претвореніи ограниченнаго въ безконечное и состоитъ поэтическая обработка. Вотъ почему внѣшняя матерія сама-по-себѣ всегда вещь посторонняя: поэзія никогда не можетъ употребить ее такъ, какъ она есть. Только черезъ *то*, что поэзія изъ нея дѣлаетъ, получаетъ она поэтическое достоинство. Элегическій поэтъ ищетъ природу, но только, какъ идею, въ томъ совершенствѣ, въ какомъ она никогда не существовала, хоть и оплакиваетъ ее, какъ-будто нѣчто существовавшее и теперь потерянное. Когда Оссіанъ рассказываетъ намъ о дняхъ уже не существующихъ, о герояхъ, уже исчезнувшихъ, то его поэтическая мочь уже давно преобразила тѣ образы воспоминанія въ идеалы, тѣхъ героевъ въ боговъ. Дѣйствительно, претерпѣнныя потери возвышаются до идеи всеобщаго разрушенія, и растроганный бардъ, преслѣдуемый образомъ всесущихъ руинъ, взлетаетъ къ самому небу, чтобъ тамъ въ пути солнца отыскать символъ нетлѣнности.

Перехожу къ новѣйшимъ поэтамъ въ элегическомъ родѣ. Руссо, какъ поэтъ, вдохновленъ однимъ стремленіемъ или искать природу, или мстить за нее искусству. Смотря по тому, останавливается ли его чувство на природѣ или на искусствѣ, мы видимъ его то элегически растроганнымъ, то вдохновеннымъ ювеналовой сатирой, то, какъ на-примѣръ въ Юліи, увлеченнымъ въ область *идиліи*. Его поэзія имѣетъ неоспоримое поэтическое содержаніе, потому-что обрабатываетъ идеаль; онъ только не умѣетъ употреблять его поэтическимъ образомъ. Правда, его серьезный характеръ никогда не понижается до смѣлости, но вмѣстѣ-съ-тѣмъ и не даетъ ему вознестись до поэтической игры. Подъ вліяніемъ то страсти, то абстракціи, онъ рѣдко, или почти никогда не доводитъ этой игры до эстетическаго развитія, которое поэтъ всегда долженъ противопоставлять своей матеріи, всегда сообщать своему читателю. То болѣзненная чувствительность властвуетъ надъ нимъ и доводитъ до натяжки его чувство; то ужь

сила мышленія налагаетъ путы на его воображеніе и строгостью понятія уничтожаетъ грацію картины. Этотъ писатель обладаетъ въ необыкновенно-высшей степени обоими качествами, стройное переменное дѣйствіе и соединеніе которыхъ собственно и составляютъ поэта; недостааетъ только, чтобъ они выражались въ соединеніи другъ съ другомъ, чтобъ его самодѣятельность болѣе вмѣшивалась въ его ощущеніе, а имчивость въ его мышленіе. Оттого въ представленныхъ

55

имъ идеалахъ человѣчества, слишкомъ-много взяты въ соображеніе его границы и слишкомъ-мало его способность; вообще въ нихъ видно болѣе нужды въ физическомъ *покоѣ*, нежели въ моральной *гармоніи*. Его страстная чувствительность виною, что онъ, чтобъ только избавиться отъ раздоровъ въ человѣчествѣ, скорѣе отодвигаетъ его назадъ къ однообразію первобытнаго состоянія, нежели беретъ на себя трудъ привести тѣ раздоры къ окончанію въ духовной гармоніи совершенно-исполненнаго образованія; что онъ скорѣе вовсе не даетъ начать искусству, нежели соглашается подождать его полного развитія, однимъ словомъ, онъ унижаетъ цѣль и низводитъ съ высоты идеаль, чтобъ только скорѣе его достигнуть¹.

Мы видѣли, какъ сантиментальный поэтический духъ обрабатываетъ матерію. Полюбопытствуемъ теперь узнать, какъ наивный поэтический духъ принимается за сантиментальную матерію. Эта задача кажется намъ совершенно-новою и заключающею въ себѣ ту особенность, что въ наивномъ мірѣ не было такой *матеріи*, а въ новѣйшемъ, можетъ-быть, не будетъ такого *поэта*. Невзирая на то, гений рѣшилъ и эту задачу и удивительно счастливымъ образомъ. Характеръ, который съ пламеннымъ чувствомъ поклоняется идеалу и бѣжитъ вещественности, чтобы добыть безбытное, безконечное, который, все, что онъ въ самомъ-себѣ безпрестанно разрушаетъ, безпрестанно ищетъ внѣ себя, для котораго его сны только вещественны, его познанія только служатъ предѣломъ, который, наконецъ, въ жизни своей видитъ одну только границу, и ту, какъ ни неприкосновенна она, переступаетъ, чтобъ проникнуть къ

¹ Тутъ слѣдуетъ критическій взглядъ на поэзію нѣмецкихъ элегистовъ – Галлера, Клейста, Клопштока – который мы опускаемъ, какъ интересный только для того времени, въ которое написана статья эта.

истинной реальности — такой характеръ, такая опасная крайность сентиментальнаго характера стала матеріей поэта, въ которомъ природа дѣйствуетъ вѣрнѣе и чище, нежели во всякомъ другомъ, и который изо всѣхъ новѣйшихъ поэтовъ, быть-можетъ, наименѣе удаленъ отъ чувственной истины вещей.

Интересно видѣть, съ какимъ счастливымъ инстинктомъ соединилось въ Вертерѣ все, что даетъ пищу сентиментальному характеру: мечтательная, несчастная любовь, чувство къ природѣ, созерцательный духъ, наконецъ, чтобъ ничего не позабыть, мрачный, безобразный, туманный оссіановскій міръ. Сообразивъ же, какъ мало дѣйствительность гармонируетъ съ нимъ, даже какъ вражески она противопоставлена ему, и какъ извнѣ все соединяется, чтобъ вытѣснить назадъ въ его идеальный міръ, вообразивъ все это, невидимъ рѣшительно никакой возможности спастись такому характеру изъ подобнаго круга. Въ трагедіи Тассо, того же поэта, видимъ снова ту же противоположность, хотя и въ разныхъ характерахъ; такъ же въ его новомъ романѣ, какъ и въ прежнемъ, поэтическій духъ противопоставленъ здравому, простому смыслу, идеаль дѣйствительности, субъективный образъ представленія объективному,

56

но какъ различно! Даже въ Фаустѣ опять находимъ ту же противоположность, правда, уже очень-огрубленную и материализированную, какъ того требовала сущность матеріи; стоило бы труда попытаться, психологически развить этотъ характеръ, проведенный въ четырехъ такихъ различныхъ родахъ.

Выше было замѣчено, что одинъ легкій и веселый нравъ, неоснованный на внутренней полнотѣ идей, еще не показываетъ никакого призванія къ шутливой сатирѣ, какъ щедро иногда и ни осыпаютъ его подобными приговорами; такъ же мало призванія къ элегической поэзіи находится и въ простой, нѣжной мягкости нрава и меланхоліи. Чтобъ быть дѣйствительно поэтическими талантами, такимъ людямъ недостаетъ энергическаго начала для оживленія матеріи и воспроизведенія чего-нибудь истинно-прекраснаго. Произведенія такого нѣжнаго рода насъ могутъ только, такъ-сказать, разнѣжить; не услаждая сердца, не занимая души, они только льстятъ нашей чувствительности. Продолжительная склонность къ такому роду ощущенія, должна, наконецъ, необходимо ослабить характеръ и погрузить его въ то пассивное состояніе, изъ котораго не выходитъ никакой реальности

ни для внѣшней, ни для внутренней жизни. И потому было очень-хорошо, что приторную чувствительность и плаксивую манерность, которыя начали-было, лѣтъ восемнадцать тому назадъ, господствовать въ Германіи черезъ лжетолкованіе и обезьянство нѣкоторыхъ превосходныхъ созданій — стали преслѣдовать неумолимыми насмѣшками, хотя снисхожденіе, оказываемое ничуть не лучшимъ, почти такимъ же элегическимъ, карикатурамъ, такой же бездушнѣ сатирѣ и безобразному юмору, ясно доказываетъ, что причины гоненія на нихъ не были совершенно справедливыми. На вѣсахъ истиннаго вкуса все это ничего не значитъ, потому-что тутъ недостаетъ эстетическаго содержанія, которое заключается только въ тѣсномъ соединеніи духа съ матеріей и въ соединенномъ отношеніи продукта къ способности чувствъ и идей.

Насмѣхались надъ *Зигвартомъ* и удивляются *путешествію въ полуденную Францію*; конечно, оба произведенія имѣютъ большое притязаніе на извѣстную степень уваженія и очень-малое на безусловную похвалу. Истинное, хоть и натянутое, чувство, замѣчательно въ первомъ романѣ; легкій юморъ и веселый, тонкій умъ во второмъ; но сколько одному недостаетъ въ здоровомъ смыслѣ, столько другому въ эстетическомъ достоинствѣ. Первый, сличенный съ дѣйствительностью, становится немного смѣшнымъ; второй лицомъ къ лицу съ идеаломъ почти презрительнымъ. А такъ-какъ истинно прекрасное, съ одной стороны должно согласоваться съ природою, съ другой — съ идеаломъ, то ни тотъ ни другой не могутъ имѣть никакого притязанія на имя прекрасныхъ произведеній. Невзирая на это, очень-естественно и понятно, и я даже узналъ это по собственному опыту, что романъ Тюмея можетъ быть прочтенъ съ большимъ наслажденіемъ. Такъ-какъ онъ оскорбляетъ только требованія, проистекающія изъ идеала, и о которыхъ, слѣдовательно, бѣольшая часть читателей и не подумаетъ, а лучшая не бываетъ расположена къ такимъ соображеніямъ

во время чтенія романовъ; и такъ-какъ всѣ другія требованія духа и тѣла выполнены довольно замѣчательнымъ образомъ, то онъ долженъ быть, и непременно будетъ, любимою книгою нашего и всѣхъ временъ, въ которыхъ эстетическія произведенія будутъ писаться для того только, чтобъ нравиться, и читаться для одного удовольствія.

Но развѣ въ литературѣ поэзіи нѣтъ классическихъ произведеній, которыя такимъ же образомъ, по-видимому, оскорбляютъ высокую чистоту идеала и матеріальностью своего содержанія очень и очень удаляются отъ духовности, требуемой отъ всякаго эстетическаго произведенія? Развѣ то, что можетъ позволить себѣ поэтъ, цѣломудренный питомецъ музы, не можетъ быть позволено романисту, который только вполонину братъ его, и къ-тому же такъ сильно связанъ съ землею? Я тѣмъ менѣе могу уклониться отъ этого вопроса, что есть мастерскія произведенія, какъ въ элегическомъ, такъ и въ сатирическомъ родѣ, которыя, по-видимому, ищутъ совсѣмъ иной природы, чѣмъ о какой говорится въ статьѣ этой, представляютъ ее и защищаютъ, по-видимому, не столько отъ дурныхъ, сколько отъ добрыхъ нравовъ. Отсюда выходитъ, что эти поэтическія произведенія должны быть или осуждены, или постановленный нами принципъ элегической поэзіи принять въ слишкомъ произвольномъ смыслѣ.

Рѣчь зашла о томъ, можно ли осуждать прозаическаго рассказчика за то, что можетъ быть позволено поэту? Отвѣтъ заключается въ самомъ отвѣтѣ: что позволено поэту, то ничего не доказываетъ въ пользу того, кто не есть поэтъ. Въ самомъ понятіи о поэтѣ, и только въ немъ одномъ заключена причина той независимости, которая превращается въ презрительную вольность, какъ-скоро она не вытекаетъ изъ высочайшаго и благороднѣйшаго начала, единственно составляющаго поэта.

Итакъ, существуетъ масштабъ, какому съ увѣренностью можемъ подвергать каждаго поэта, въ чемъ-либо погрѣшающаго противъ приличія и представленія природы. Его произведеніе пошло, низко, совершенно никуда не годно, какъ-скоро оно *холодно*, какъ-скоро оно *пусто*, потому-что это показываетъ, что оно произошло изъ пошлой цѣли и изъ пошлой потребности, и что оно безсовѣстно разсчитываетъ на наши похоти. Напротивъ-того, оно прекрасно, какъ-скоро оно наивно возвышенно и соединяетъ духъ съ сердцемъ.

Если мнѣ возразятъ, что многіе изъ французскихъ повѣстей въ этомъ родѣ, и удачнѣйшихъ ихъ подражаній въ Германіи покажутся не съ очень-выгодной стороны лицомъ-къ-лицу съ этимъ масштабомъ, что это отчасти можетъ даже случиться со многими произведеніями одного изъ нашихъ увлекательнѣйшихъ и остроумнѣйшихъ поэтовъ, то мнѣ нечего отвѣчать на это. Приговоръ этотъ совсѣмъ не новъ; притомъ же я излагаю здѣсь

только причины приговора, который ужь давно изрекло на счетъ этого предмета, каждое сколько-нибудь утонченное чувство. Но этотъ же самый принципъ, который въ-отношеніи къ нѣкоторымъ сочиненіямъ, можетъ-быть, кажется слишкомъ строгимъ, въ-отношеніи къ другимъ можетъ показаться за-то ужь слишкомъ-слабымъ.

58

Признаюсь откровенно, тѣ же самыя причины, по которымъ я нахожу отнюдь не извинительными соблазнительныя картины *римскаго* и *нѣмецкаго* Овидія, Кребилльона, Вольтэра, Мармонтеля (который еще называетъ себя моральнымъ писателемъ), Ланклò и многихъ другихъ, тѣ же самыя причины мирятъ меня съ эллегіями *римскаго* и *нѣмецкаго* Проперція, потому-что первыя только остроумны, вялы и соблазнительны, вторыя, напротивъ — наивны, исполнены поэзіи и человѣчны.

И д и л і я .

Я скажу теперь только нѣсколько словъ объ этомъ третьемъ родѣ сантиментальной поэзіи, такъ-какъ подробнѣйшее развитіе, въ которомъ онъ въ-особенности нуждается, я намѣренъ отложить до другаго времени².

Поэтическое представленіе невиннаго и счастливаго человѣчества есть общая идея идиліи. Такъ-какъ эта невинность и это счастье не согласуются съ искусственными отношеніями большихъ городовъ и съ извѣстною степенью цивилизаціи и утонченности, то поэты и переселили мѣсто дѣйствія идиліи изъ суматохи гражданской жизни въ простое пастушеское состояніе и указали ей мѣсто въ дѣтскомъ возрастѣ человѣчества до *начала цивилизаціи*. Конечно, это только случайныя опредѣленія, и мы ихъ рассматриваемъ не какъ цѣль идиліи, но только какъ самое естественное средство къ ней. Самая же цѣль состоитъ въ

² Еще разъ я долженъ напомнить, что сатира, элегія и идилія, представленныя здѣсь какъ три единственно-возможные рода сантиментальной поэзіи, не имѣютъ рѣшительно ничего общаго съ тремя особенными родами стихотвореній, извѣстныхъ подъ этими именами, кромѣ *образа ощущенія*, который свойственъ какъ тѣмъ, такъ и другимъ. Потому если кто спроситъ меня, къ которому изъ трехъ родовъ отношу я эпопею, романъ, драму, тотъ меня рѣшительно не понялъ. Понятіе объ этихъ послѣднихъ, какъ о *видовыхъ произведеніяхъ*, или совсѣмъ неопредѣленно, или же опредѣляется, но только не однимъ образомъ ощущенія; всего чаще бываетъ, что они могутъ быть выполнены болѣе, нежели однимъ образомъ ощущенія, стало-быть многими изложенными мною родами поэзіи.

представленіи челоуѣка въ состояніи невинности, т.-е. въ состояніи гармоніи и мира съ самимъ-собою, и съ окружающею его дѣйствительностью.

Но такое состояніе можетъ быть и послѣ успѣховъ цивилизаціи; оно можетъ осуществиться, потому-что цивилизація, если она только вездѣ будетъ имѣть благое направленіе, предполагаетъ это состояніе своею цѣлью. Уже одна идея этого состояніа и вѣра въ возможность его осуществленія могутъ помирить челоуѣка со всѣмъ зломъ, которому онъ подверженъ на пути цивилизаціи. Въ-самомъ-дѣлѣ, еслибъ такая мысль была одною химерою, жалобы тѣхъ, которые негодуютъ на общество большихъ городовъ и выдаютъ оставленное естественное состояніе за

59

настоящую цѣль челоуѣка, были бы совершенно справедливы. Стало-быть челоуѣку, среди цивилизаціи, чрезвычайно-важно получить чувственное подтвержденіе о возможности исполненія этой идеи въ чувственномъ мірѣ, и о возможномъ осуществленіи того состояніа. Но такъ-какъ опытъ, вмѣсто-того, чтобъ укоренять эту вѣру, скорѣе постоянно ее опровергаетъ, то и здѣсь такъ же, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, поэзія приходитъ на помощь разсудку, чтобъ возвести эту идею до созерцанія и осуществить ее въ отдѣльномъ, частномъ случаѣ.

Хотя въ невинномъ состояніи пастушескаго міра воображеніе, чтобъ создать художественное представленіе, должно бы было тоже дѣйствовать творчески, но все-таки рѣшеніе задачи тутъ несравненно было бы и проще и легче, чѣмъ въ состояніи цивилизаціи. Невзирая на то, однакожь, и въ ней встрѣтилось нѣсколько частныхъ чертъ, которыя воображенію стоило только выбрать и соединить въ одно цѣлое. Подъ счастливымъ небомъ, среди простыхъ отношеній первобытнаго міра, при ограниченномъ знаніи, природа легко удовлетворяется, а челоуѣкъ тогда только дичаетъ, когда терзаетъ его нужда. У всѣхъ народовъ, имѣющихъ исторію, есть и свое состояніе невинности, свой золотой вѣкъ; даже всякій отдѣльный челоуѣкъ не лишень своего золотого вѣка, о которомъ онъ вспоминаетъ съ бѣльшимъ или меньшимъ вдохновеніемъ, смотря потому, болѣе или менѣе поэзіи въ его природѣ. Стало-быть самый опытъ даетъ уже довольно чертъ для изображенія картины пастушеской идиліи. Оттого-то она и остается прекраснымъ, возвышеннымъ стремленіемъ, и поэтическая сила, представляя ее, точно движется идеаломъ. Въ-

самомъ-дѣлѣ, для человѣка, отклонившагося разъ отъ естественной простоты, и вдавшася въ опасный путь своего разума, чрезвычайно-важно снова взглянуть на законодательство природы во всей чистотѣ его, и посредствомъ этого вѣрнаго зеркала снова очиститься отъ порчи искусства. Но здѣсь встрѣчается одно обстоятельство, очень уменьшающее эстетическое достоинство подобныхъ стихотвореній. Изображая состояніе *до цивилизаціи*, они исключаютъ, вмѣстѣ съ вредомъ, также и всѣ ея выгоды, и по сущности своей находятся въ необходимомъ раздорѣ съ нею. И такъ они *теоретически* заставляютъ насъ отступать, между-тѣмъ, какъ *практически* ведутъ впередъ и облагораживаютъ насъ. Они, по несчастію, ставятъ цѣль, къ которой бы должны были *вести насъ на встрѣчу, позади насъ*, и потому внушаютъ намъ только грустное чувство потери, а не радостное чувство надежды. Выполняя свою цѣль только черезъ уничтоженіе всякаго искусства и черезъ упрощеніе человѣческой природы, они наиболѣе говорятъ *сердцу* и слишкомъ-мало *духу*, и потому ихъ однообразный кругъ слишкомъ-скоро исчерпывается. И потому, мы тогда только можемъ любить и стремиться къ нимъ, когда нуждаемся въ покоѣ. Они доставляютъ только *излеченіе* больной душѣ, не *пищу* здоровой; они не въ-состояніи оживить, но только утолить насъ. Этого недостатка, заключающагося въ самомъ существѣ пастушеской идиліи, не могло поправить все искусство поэтовъ. Правда, у

60

этой отрасли поэзіи нѣтъ недостатка въ восторженныхъ любителей, и есть довольно читателей, которые, пожалуй, готовы предпочесть какого-нибудь Аминта или Даэна величайшимъ мастерскимъ произведеніямъ драматической, или эпической музыки, но подобные читатели судятъ о произведеніяхъ искусства не столько по вкусу, сколько по индивидуальной нуждѣ, и, слѣдовательно, приговоръ ихъ не стоитъ никакого изслѣдованія. Конечно, читатель съ умомъ и чувствомъ не будетъ вовсе отрицать достоинства у подобныхъ стихотвореній, но будетъ рѣже увлекаться ими и раньше ими пресытится. За-то въ моментъ нужды оно тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ; но дѣло въ томъ, что истинно-прекрасное никогда не станетъ дожидаться такого момента и скорѣе само породитъ его.

То, что я здѣсь порицаю въ пастушеской идиліи, относится, впрочемъ, только до сантиментальной: потому-что въ наивной идиліи никогда не встрѣтится недостатка въ содержаніи, тѣмъ

болѣе, что оно заключается *въ самой уже формѣ ея*. Дѣйствительно, всякая поэзія должна имѣть безконечное содержаніе; потому-что черезъ это она только и поэзія. Это требованіе она выполняетъ двоякимъ образомъ. Она можетъ быть безконечною по формѣ, если представляетъ предметъ со *всѣми его границами*, и индивидуализируетъ его; она можетъ быть безконечною по содержанію, если *отстраняетъ* отъ предмета всѣ его *границы*, или идеализируетъ его, стало-быть она можетъ быть безконечною, или чрезъ абсолютное представленіе, или чрезъ представленіе абсолюта. Первымъ путемъ идетъ наивный, вторымъ сантиментальный поэтъ. Итакъ, первый достигнетъ своего назначенія, если будетъ неизмѣнно держаться природы, которая всегда постоянно ограничена, т.-е. по формѣ безконечна. Второму, напротивъ, природа только мѣшаетъ своимъ постояннымъ ограниченіемъ, потому-что онъ долженъ вложить въ предметъ абсолютное содержаніе. Слѣдовательно, сантиментальный поэтъ жестоко ошибется въ расчетѣ, если станетъ *занимать предметы* свои у наивнаго поэта, потому-что сами-по-себѣ, они совершенно ничего не значатъ и только черезъ выполненіе становятся поэтическими. Черезъ это онъ только, вопреки своей сущности, поставитъ для себя одинакія границы съ первымъ, не имѣя, впрочемъ, средствъ, ни выполнить совершенно ограниченіе, ни бороться съ наивнымъ поэтомъ въ абсолютной опредѣлительности представленія. Напротивъ, въ самомъ предметѣ онъ и долженъ удалиться отъ наивнаго поэта, потому-что если наивный поэтъ далеко оставляетъ его позади относительно формы, то сантиментальный можетъ догнать его только относительно предмета.

Приложивъ все сказанное къ пастушеской идиліи сантиментальныхъ поэтовъ, ясно видимъ, почему эти стихотворенія, при всѣхъ усиліяхъ генія и искусства, не удовлетворяютъ совершенно, ни души, ни сердца. Въ нихъ выполненъ идеаль и вмѣстѣ съ тѣмъ оставленъ тѣсный, бѣдный пастушескій міръ, когда бы должно было избрать или для идеала другой міръ, или для пастушескаго міра другое представленіе. Они именно на столько идеальны, на сколько представленіе теряютъ

оттого въ индивидуальной истинѣ, и вмѣстѣ-съ-тѣмъ ужъ такъ индивидуальны, что отъ этого страждетъ идеальное содержаніе. Геснеровскій пастушокъ, напримѣръ, не можетъ усладить насъ,

ни какъ природа, ни какъ вѣрное подражаніе ей, потому-что для этого онъ ужь слишкомъ-идеаленъ; ни какъ идеаль по безконечности идеи, потому-что для этого онъ ужь слишкомъ-ничтоженъ. Изъ этого слѣдуетъ, что онъ *до известной степени* понравится *всѣмъ* классамъ читателей *безъ исключенія*, потому-что стремится соединить наивное съ сантиментальнымъ, и, слѣдовательно, удовлетворяетъ нѣкоторымъ образомъ двумъ противоположнымъ требованіямъ, ожидаемымъ отъ всякаго стихотворенія. Но такъ-какъ изъ старанія соединить ихъ обоихъ, поэтъ не доводитъ ни того, ни другаго до *совершенной полноты*, т.-е. не становится самъ ни природой, ни идеаломъ, то потому и не можетъ выдержать приговора строгаго вкуса, который въ эстетическихъ вещахъ не допускаетъ ничего половиннаго. Странно, что эта половинность простирается даже и на языкъ Геснера, нерѣшительный, колеблющійся между поэзіей и прозой, какъ-будто поэтъ боится въ связанной рѣчи ужь слишкомъ отойти отъ дѣйствительной природы, а не въ связанной потерять поэтическую силу. Мильтонъ уже гораздо-болѣе удовлетворяетъ насъ въ удивительномъ, чудесномъ представленіи первой человѣческой четы и состояніи невинности въ земномъ раю. Эта самая лучшая изъ всѣхъ известныхъ мнѣ идилій въ сантиментальномъ родѣ. Здѣсь природа благородна, духовна, вмѣстѣ поверхностна и глубока; высшее содержаніе человѣчества облечено въ прелестнѣйшую форму.

Итакъ, въ идиліи, какъ и во всѣхъ поэтическихъ родахъ, должно разъ навсегда сдѣлать выборъ между индивидуальностью и идеаломъ: потому-что стремиться къ удовлетворенію разомъ обоихъ требованій, значить (какъ-скоро имѣешь цѣлью совершенство), вѣрнѣе всего погрѣшить противъ ихъ обоихъ. Если поэтъ нашего времени чувствуетъ въ себѣ довольно эллинскаго духа, чтобъ, невзирая на все упрямство матеріи, бороться съ Грекомъ на его собственномъ полѣ, то-есть на полѣ наивной поэзіи, то пусть онъ предается ей исключительно, пусть отстранитъ отъ себя всякое требованіе сантиментальнаго вкуса нашего времени. Правда, онъ едва-ли достигнетъ образца своего: между оригиналомъ и самою счастливѣйшею копіею останется всегда значительная дистанція; но за-то на пути этомъ онъ можетъ быть увѣренъ, что создастъ нѣчто чисто-поэтическое. Но, если, напротивъ-того, имъ завладѣетъ сантиментально-поэтическое стремленіе къ идеалу, то да преслѣдуетъ онъ его ужь до послѣднихъ

границъ, до полнѣйшей чистоты, и не останавливается до-тѣхъ-поръ, пока не достигнетъ наибольшаго результата, не обращая вниманія на то, поспѣваетъ ли за нимъ дѣйствительность. Да отвергнетъ онъ недостойную уловку понизить идеаль, чтобъ пригнать его подъ мѣрку человѣческой нужды и исключить духъ, чтобъ только скорѣе польстить сердцу. Да ведетъ онъ насъ не назадъ къ нашему дѣтству, чтобъ заставить насъ цѣною драгоценнѣйшихъ пріобрѣтеній ума купить себѣ покой; да ведетъ онъ насъ

62

впередъ къ нашему совершеннолѣтію, чтобъ дать почувствовать намъ высшую гармонію. Да поставитъ онъ себѣ цѣлью идилліи — выдержать ту пастушескую невинность и въ субъектахъ цивилизаціи со всѣми условіями мыслительности, самого утонченнаго искусства, самой высшей общественной утонченности; да ведетъ онъ *однимъ* словомъ въ элизіумъ человѣка, не могущаго болѣе возвратиться въ аркадію.

Понятіе такой идилліи есть понятіе совершенно-оконченной борьбы, какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, такъ и въ обществѣ — понятіе нравственнаго соединенія благородныхъ склонностей съ закономъ природы, доведенной до высшаго нравственнаго достоинства, короче, оно есть ни что иное, какъ идеаль красоты, приложенный къ дѣйствительной жизни. Стало-быть характеръ такой идилліи состоитъ въ совершенномъ уничтоженіи *всякаго контраста между дѣйствительностью и идеаломъ*, подавшаго поводъ къ сатирической и элегической поэзіи, и вмѣстѣ съ этимъ въ прекращеніи всякой борьбы въ ощущеніи. Слѣдовательно, владычествуящимъ впечатлѣніемъ этого рода поэзіи, долженъ быть покой, но покой свершенія, не лѣни: покой, проистекающій отъ равновѣсія, не отъ застоя силъ, отъ полноты, не отъ запустѣнія — покой, сопровождаемый чувствомъ безконечной способности. Но за-то, по причинѣ отстраненія всякой борьбы, въ идилліи несравненно-труднѣе, нежели въ двухъ предъидущихъ родахъ поэзіи, произвести то *движеніе*, безъ котораго невозможно поэтическое дѣйствіе. Въ идилліи должно существовать и величайшее единство, но ничего неимѣя отъ разнообразія; и духъ долженъ быть удовлетворенъ, но не переставая оттого стремиться. Вотъ въ этихъ вопросахъ и состоитъ собственно теорія идилліи.

Что же касается до отношенія сантиментальной поэзіи къ наивной, а ихъ обѣихъ къ поэтическому идеалу, то можно остановиться на слѣдующемъ:

Для наивнаго поэта природа дѣйствуетъ всегда какъ нераздѣльное единство, во всякій моментъ бываетъ самостоятельнымъ, полнымъ цѣлымъ и представляетъ человѣчество, сообразно его полному содержанію въ дѣйствительности. Сантиментальному поэту природа даровала силу, или скорѣе запечатлѣла въ немъ живое побужденіе изъ себя-самого возстановить единство, уничтоженное въ немъ абстракціей, въ самомъ-себѣ усовершенствовать человѣчество и переходить изъ ограниченнаго состоянія въ безконечное. Общая же задача обоихъ состоитъ въ томъ, чтобъ дать человѣческой природѣ ея полнѣйшее выраженіе: безъ этого они не могутъ и называться поэтами. Но наивный поэтъ имѣетъ всегда преимущество передъ сантиментальнымъ въ чувственной реальности въ представленіи какъ дѣйствительный фактъ того, чего другой стремится только достигнуть. Читая наивныхъ поэтовъ, невольно испытываешь на себѣ справедливость этого положенія, если только мало-мальски наблюдаешь за собою при чтеніи. Чувствуешь тогда, что всѣ силы твоего человѣчества дѣятельны, что ни въ чемъ не нуждаешься, становишься въ самомъ-себѣ какимъ-то цѣлымъ; не различая ничего въ своемъ чувствѣ, радуешься вмѣстѣ съ этимъ своей

63

духовной дѣятельности, своей чувственной жизни. Въ совсѣмъ другое настроеніе погружаетъ насъ сантиментальный поэтъ. Тутъ ощущаешь одно живое *влеченіе* возбудить въ себѣ гармонію, которую наивный поэтъ дѣйствительно заставляетъ чувствовать, стремишься сдѣлать изъ себя цѣлое, довести въ себѣ человѣчество до совершеннаго выраженія. Оттого при чтеніи сантиментальныхъ поэтовъ, духъ въ движеніи, напряжень, колеблется между борющимися чувствами, тогда-какъ подъ вліяніемъ наивныхъ онъ покоень, развязень, согласень самъ-съ-собою и совершенно удовлетворень.

Но если, съ одной стороны, наивный поэтъ имѣетъ преимущество предъ сантиментальнымъ въ реальности и въ томъ, что доводитъ до дѣйствительнаго существованія то, къ чему послѣдній возбуждаетъ только живое влеченіе: то сантиментальный за-то имѣетъ большую выгоду передъ первымъ въ томъ, что въ-состояніи дать этому влеченію *большій предметъ*,

какого никогда не исполнял и никогда не исполнить наивный поэт. Всякая действительность, какъ известно, уступаетъ далеко идеалу; потому-что все существующее имѣетъ свои границы, а мысль безгранична и это ограниченіе, которому подвержено все чувственное, вредитъ даже и наивному поэту, между-тѣмъ, какъ безусловность мыслительности приходится на руку сантиментальному. Правда, наивный поэтъ въ совершенствѣ исполняетъ свою задачу, но самая его задача есть уже нѣчто ограниченное; сантиментальный, хотя невыполняетъ своей совершенно, но за-то и задача его есть нѣчто безконечное. И это тоже можно прочувствовать и прослѣдить на дѣлѣ. Отъ наивнаго поэта съ легкостью и охотой обращаешься къ живому настоящему; сантиментальный поэтъ всегда, хоть на нѣсколько минутъ, да разстроитъ насъ для дѣйствительной жизни, потому-что духъ нашъ отъ безконечности идеи улетаетъ за предѣлы своей естественной сферы, такъ-что действительность его уже болѣе не удовлетворяетъ. Мы охотнѣе погружаемся черезъ созерцаніе въ самихъ-себя, гдѣ въ мірѣ идей находимъ пищу для возбужденнаго влеченія, чѣмъ изъ самихъ-себя устремляемся за чувственными предметами. Сантиментальная поэзія есть порожденіе затворничества и тишины, къ которымъ и манитъ насъ; напротивъ-того, наивная — есть дитя жизни, и потому возвращаетъ насъ къ жизни.

Я назвалъ наивную поэзію благосклонностью природы, чтобъ напомнить, что рефлексія не имѣетъ въ ней никакого участія. Она — счастливый ударъ, ненуждающійся ни въ какой поправкѣ, когда удастся, но и неспособный къ ней, когда минуетъ цѣль свою. Для наивнаго генія все заключается въ ощущеніи: тутъ вся его сила, всѣ его предѣлы. Слѣдовательно, если онъ съ самаго начала не чувствовалъ поэтически, т.-е. совершенно-человѣчески, то ему уже не прикрыть этого никакимъ искусствомъ. Критика можетъ показать ему только этотъ недостатокъ, но не въ-состояніи замѣнить его никакою красотою. Наивный геній долженъ все производить изъ своей природы. Онъ тогда только выполнитъ свою идею, когда въ немъ будетъ дѣйствовать природа по одной внутренней необходимости. Правда,

даже и неудавшееся произведеніе наивнаго генія, произведеніе полнаго произвола, есть все-таки природа; но дѣло въ томъ, что потребность минуты, и внутренняя необходимость цѣлаго суть вещи совершенно различныя. Разсматриваемая, какъ цѣлое,

природа самостоятельна и безконечна; напротивъ-того, во всякомъ отдѣльномъ своемъ отправленіи немощна и ограничена. То же самое можно сказать и о природѣ поэта. Самый счастливѣйшій моментъ, въ какомъ онъ только можетъ находиться, зависитъ отъ предъидущаго: и потому ему можно только приписать условную необходимость. Отсюда проистекаетъ задача для всякаго поэта — уравнивать отдѣльное состояніе съ человѣческимъ цѣлымъ, т.-е. абсолютно и необходимо основать его на самомъ-себѣ. Стало-быть изъ момента вдохновенія долженъ быть отстраненъ всякій слѣдъ временной нужды и самый предметъ, какъ бы ни былъ онъ ограниченъ, не долженъ ограничивать поэта. Понятно, что это тогда только возможно, когда поэтъ займется предметомъ съ совершенною полнотою способности, и когда онъ ужъ навькнетъ все обнимать всѣмъ своимъ человѣчествомъ. Этого навыка онъ можетъ достигнуть только посредствомъ міра, въ которомъ живетъ, и къ которому непосредственно прикасается. Итакъ наивный геній всегда въ зависимости отъ опыта, котораго не знаетъ сантиментальный. Тотъ, какъ извѣстно, начинаетъ свои операціи только тогда, когда уже тотъ кончаетъ ихъ: сила его состоитъ въ пополненіи недостаточнаго предмета *изъ самого себя*. Наивный поэтической геній нуждается въ помощи извнѣ, тогда-какъ сантиментальный питается и очищается изъ самого себя; наивный поэтъ долженъ видѣть вокругъ себя богатообразную природу, поэтической міръ, наивное человѣчество, потому-что уже въ ощущеніи чувствъ онъ совершаетъ свое произведеніе. Но если ему не будетъ этой помощи извнѣ, если онъ окруженъ одною бездушною матеріей, то могутъ произойти два обстоятельства: или онъ выйдетъ изъ своего *вида* (art), когда въ немъ перевѣситъ *родъ* (gattung), и станетъ сантиментальнымъ, чтобъ только остаться поэтомъ, или если побѣда останется за видомъ, онъ выйдетъ изъ своего *рода* и станетъ пошлою природою, чтобъ только быть природой. *Первое* случилось съ знаменитыми сантиментальными поэтами древняго римскаго міра и новѣйшаго времени. Родившись въ другомъ вѣкѣ, перенесенные подъ другое небо, они, поражающіе теперь идеями, очаровали бы насъ индивидуальною истиною и наивною красотою. Отъ втораго едва-ли защититъ себя поэтъ, который среди свѣта не можетъ отстать отъ природы.

То-есть отъ *дѣйствительной* природы: потому-что съ нею не должно смѣшивать *истинной* природы, составляющей сущность наивной поэзіи. Дѣйствительная природа находится вездѣ, но

истинная природа чрезвычайно-рѣдко: потому-что для нея нужна внутренняя необходимость существованія. Дѣйствительная природа есть всякій пошлый взрывъ страсти; онъ можетъ быть, пожалуй, и истинной природой, но истинной *человѣческой* никогда: потому-что истинная *человѣческая* природа требуетъ участія самостоятельной способности во всякомъ движеніи,

65

выраженіе котораго должно быть всякій разъ достоинство. Дѣйствительная *человѣческая* природа можетъ низойдти до моральнаго распутства, но истинная *человѣческая* природа ужъ вѣроятно никогда имъ не будетъ, потому-что она можетъ быть только благородна. Нельзя вообразить себѣ, до какого безвкусія въ критикѣ и выполненіи довели это смѣшеніе дѣйствительной природы съ истинною *человѣческою* природою; какія тривіальности позволяютъ въ поэзіи, даже хвалятся, потому-что они, къ-сожалѣнію, дѣйствительная природа; какъ радуются, смотря на карикатуры, отъ которыхъ въ дѣйствительномъ мірѣ хотъ бѣжать такъ въ тужъ минуту, но которыя въ поэтическомъ заботливо сохраняются и копируются съ жизни. Конечно, поэтъ имѣетъ право подражать дурной природѣ, и *въ сатиры этого даже требуетъ самое понятіе сатиры*; но въ такомъ случаѣ его собственная прекрасная природа должна *рисовать* предметъ и пошлая матерія не вправѣ низводитъ подражателя до своей грязи. Если онъ самъ (по-крайней-мѣрѣ въ ту минуту, когда описываетъ), если онъ самъ истинная *человѣческая* природа, то нѣтъ нужды до того, *что* онъ намъ описываетъ; только отъ него мы и можемъ снести вѣрную картину дѣйствительности. Горе намъ, читателямъ, если только рожа будетъ выглядывать изъ-за-рожи, если бичъ сатиры попадетъ въ руку того, кому природа отказала въ истинномъ талантѣ, если люди, лишенные всего что только называется поэтическимъ духомъ, обладающіе только обезьянскимъ талантомъ пошлаго подражанія, отвратительно употребляютъ его во вредъ нашего вкуса!

Но даже и для истинно-наивнаго поэта, сказалъ я, можетъ быть опасна пошлая природа: потому-что прекрасная гармонія ощущенія съ мыслью, составляющая его характеръ, есть только идея, которой въ дѣйствительности нельзя совершенно достигнуть: мы видимъ, что даже и въ счастливѣйшихъ геніяхъ этого рода имчивость и самодѣятельность всегда хотъ на сколько-нибудь перевѣшиваютъ ощущеніе. Но имчивость всегда болѣе, или менѣе

зависитъ отъ внѣшняго впечатлѣнія и развѣ только *постоянная* дѣятельность производящей способности, которой нельзя требовать отъ человѣческой природы, могла бы помѣшать матеріи употреблять слѣпое насиліе надъ имчивостью. Но всякій разъ, какъ это случается, поэтическое чувство становится чѣмъ-то пошлымъ.

Ни одинъ наивный геній, съ Гомера до Бодмера, не избѣжалъ совершенно этого подводнаго камня; онъ всего опаснѣе для тѣхъ, которые должны бороться извнѣ съ пошлою природою, или которые, по недостатку въ навикѣ, сами внутренно одичали. Первое обстоятельство бываетъ причиною, что даже образованные писатели не всегда освобождаются отъ плоскостей, а второе помѣшало уже многимъ прекраснымъ талантамъ, овладѣть мѣстомъ, на которое звала ихъ природа. Комическій поэтъ, котораго геній бѣльшею частію питается дѣйствительною жизнію, чаще всего подверженъ плоскостямъ, что мы и видимъ изъ примѣра Аристофана, Плавта и почти всѣхъ позднѣйшихъ

66

писателей, шедшихъ по ихъ слѣдамъ. До какихъ низостей низводитъ насъ иногда возвышенный Шекспиръ; какими тривіальностями мучаютъ насъ Лопе-де-Вега, Мольеръ, Реньаръ, Гольдони; въ какую тину погружаетъ насъ иногда Гольбергъ? Шлегель, одинъ изъ нашихъ остроумнѣйшихъ поэтовъ, отъ котораго нисколько не зависѣло, что онъ не изъ первыхъ въ этомъ родѣ, Геллертъ истинно наивный поэтъ, Рабенеръ, самый Лессингъ, если только мнѣ позволено будетъ назвать его, Лессингъ, просвѣщенный питомецъ критики и такой бдительный судія самого-себя — какъ всѣ они, болѣе, или менѣе терпятъ отъ бездушнаго характера той сферы, которую они взяли предметомъ своей сатиры! Изъ самыхъ *новѣйшихъ* писателей этого рода я не назову никого, потому-что не могу сдѣлать никакого исключенія.

Мало-того, что наивный поэтъ находится въ опасности отъ слишкомъ тѣснаго сближенія съ пошною дѣйствительностью — онъ еще ободряетъ самую легкостью, съ какою выражается и самымъ сближеніемъ съ дѣйствительностью — ободряетъ, говорю я, пошлаго подражателя испытать себя на поэтическомъ поприщѣ. Сантиментальная поэзія, сколько ни опасна она съ другой стороны, что я и докажу впослѣдствіи, держитъ по-крайней-мѣрѣ *этотъ* народъ въ благородномъ разстояніи, потому-что не всякій способенъ возвышаться до идей; между-тѣмъ, какъ наивная поэзія всегда подаетъ какую-то надежду, какъ-будто одно ощущеніе,

одинъ юморъ, одно подражаніе дѣйствительной природѣ есть уже признакъ поэтическаго таланта. Ничто такъ не отвратительно, какъ если плоскій характеръ вздумаетъ любезничать, быть наивнымъ — онъ, который бы долженъ былъ спрятаться за всѣ покровы искусства, чтобъ только скрыть свою пошлость. Вотъ откуда взялись всѣ эти *безпощадныя* плоскости, которыя нѣмцы позволяютъ себѣ пѣть подъ названіемъ наивныхъ и шутивыхъ пѣсень, и которыми имѣютъ обыкновеніе увеселять себя за сытными обѣдами. Подъ пропускнымъ видомъ веселости и чувства терпится вся эта гиль — но веселости и чувства, которыя должны бы быть навсегда изгнаны. Музы на *Плействъ* образуютъ на этихъ пиршествахъ совершенно особенный, жалкій хоръ, которому въ томъ же жалкомъ тонѣ отвѣчаютъ Камены на *Лейкнъ* и *Эльбтъ*. На одну доску съ этой безтолковой чепухой, можно поставить и произведенія нашихъ трагическихъ сценъ, произведенія, которыя вмѣсто-того чтобъ подражать истинной природѣ, гонятся только за бездушнымъ выраженіемъ дѣйствительной природы, такъ-что выходя изъ всѣхъ этихъ слезливыхъ зрѣлищъ, мы какъ-будто выходимъ изъ какого-нибудь госпиталя, или только-что прочли исторію человѣческихъ болѣзней Зальцмана. Еще въ худшемъ состояніи находится у насъ сатирическая поэзія и въ-особенности комическій романъ, которые уже по своему значенію такъ близко касаются обыкновенной жизни и потому, какъ всякій пограничный постъ, должны бы быть только въ вѣрныхъ и опытныхъ рукахъ. Право, немного призванія въ томъ, кто, желая стать *живописцемъ* своего времени, становится только его карикатурой; а такъ-какъ совсѣмъ нетрудно скопировать между своими знакомыми какой-нибудь

веселый характеръ, хоть изъ этого и выйдетъ какая-нибудь *толстая чучела*, и грубымъ перомъ малевать по бумагѣ харю за харей, то случается, что иногда и заклятыхъ враговъ всякаго поэтическаго успѣха щекочетъ желаніе — попробовать себя на этомъ поприщѣ, и драгоценнымъ произведеньцемъ повеселить кружокъ дорогихъ пріятелей. Конечно, тонко настроенное чувство никогда не подвергнется опасности смѣшать выродки пошлой природы съ остроумными плодами наивнаго генія; но въ томъ-то и дѣло, что часто недостаетъ этого тонко-настроеннаго чувства и бѣльшею частію мы стремимся только удовлетворить нуждѣ, нисколько не заботясь о духѣ. Вотъ такъ-то ложно-перетолкованная, хотя сама-по-себѣ и справедливая мысль, что за чтеніемъ остроумныхъ

произведеній *отдыхаешь*, сама оправдываетъ это снисхожденіе, если только, впрочемъ, можетъ быть снисхожденіе тамъ, гдѣ нѣтъ и предчувствія чего-нибудь высшаго и читатель съ авторомъ остаются совершенно довольны другъ другомъ. Пошлая природа, утомившись, отдыхаетъ только въ *пустотѣ*, и даже высокій умъ, если онъ только поддержанъ равномернымъ образованіемъ ощущенія, отдыхаетъ отъ дѣлъ своихъ въ бездушномъ чувственномъ наслажденіи.

Если поэтической гений долженъ съ свободною самодѣятельностью возноситься за всѣ *случайные* предѣлы, неразлучные со всякимъ *опредѣленнымъ* состояніемъ, для уловленія человѣческой природы въ ея абсолютной способности, то, съ другой стороны, онъ не долженъ выходить изъ *необходимыхъ* границъ, заключающихся въ самомъ понятіи человѣческой природы: потому-что его сфера и цѣль есть абсолютное, но только внутри человѣчества. Мы уже видѣли, что наивный гений, не подвергаясь опасности переступить за эту сферу, можетъ только не *совершенно выполнить ее*, когда у него внѣшняя необходимость или случайная нужда минуты заступитъ мѣсто внутренней необходимости. Сантиментальный гений, напротивъ, подверженъ опасности, устранить всѣ предѣлы человѣческой природы, даже совсѣмъ её уничтожить, и не только стать выше всякой опредѣленной и ограниченной дѣятельности, или *идеализировать*, но выйдти даже изъ границъ всякой возможности, или *фантазировать* (*schwärmen*). Этотъ недостатокъ — *натянутость*, точно такъ же заключается въ частномъ свойствѣ его манеры, какъ и противоположный ему — *вялость*, въ особенномъ образѣ дѣйствія наивнаго гения. Наивный гений даетъ природѣ безграничную свободу дѣйствовать, а такъ-какъ природа въ ея частныхъ, временныхъ выраженіяхъ всегда бѣдна и зависима, то наивное чувство не всегда бываетъ довольно *воодушевлено* (*exaltirt*), чтобъ противостоятъ случайнымъ опредѣленіямъ минуты. Сантиментальный гений, напротивъ, оставляетъ дѣйствительность, чтобъ вознестись до идей, и съ свободною самодѣятельностью управлять своею матеріей; но такъ-какъ разумъ, по своему закону, всегда стремится къ безконечному, то сантиментальный гений не всегда остается довольно *трезвымъ*, чтобъ непрерывно и однообразно держаться условій, заключающихся въ понятіи человѣческой природы, и которыхъ разумъ,

даже и среди самых сильных актов своих, всегда должен держаться. Этого он может достигнуть посредством равномерной степени имчивости, которая в сантиментальном гении столько же пересиливается сантиментальностью, сколько в наивном она сама пересиливает самодеятельность. И потому, если иногда не достаёт души произведеніямъ наивнаго гения, то въ порожденіяхъ сантиментальнаго часто тщетно доискиваешься *предмета*. И такъ и тотъ и другой впадаютъ, хотя совсѣмъ противоположнымъ образомъ, въ *пустоту*: потому-что предметъ безъ духа, и игра духа безъ предмета, въ эстетическомъ сужденіи ничего не значатъ.

Всѣ поэты, которые слишкомъ-односторонно почерпаютъ свою матерію изъ міра мысли, и болѣе по внутреннему обилію идей, чѣмъ отъ прилива ощущеній, увлекаются поэтическими образами, подвержены болѣе или менѣе этой опасности. Разумъ, среди своихъ созданій, слишкомъ-мало соображается съ границами чувственнаго міра, и мысль летитъ такъ быстро, что опыту трудно поспѣвать за нею. Но если эта мысль зашла ужь такъ далеко, что ей не можетъ болѣе соотвѣтствовать извѣстная опытность (ибо до этой границы можетъ и должно доходить идеально-прекрасное), и что она вообще опровергаетъ условія всей возможной опытности, и, слѣдовательно, чтобъ понять такую мысль, должно совсѣмъ оставить человѣческую природу, то это уже не поэтическая, но натянутая мысль — предположивъ, впрочемъ, что она выдается за поэтическую; иначе довольно уже того, когда она не противорѣчитъ себѣ. Но если сверхъ-того она еще противорѣчитъ себѣ, то это уже болѣе не натянутость, но *безсмысліе*; ибо то, что вообще не существуетъ, не можетъ и переступить своего предѣла. Если же она, т.-е., мысль, совсѣмъ не выдается за предметъ для воображенія, то она перестаетъ быть натянутою: потому-что простая мыслительность безгранична, а у чего нѣтъ границъ, тому и переступать нечего. Стало-быть натянутымъ можетъ быть только то названо, что оскорбляетъ, если не логическую, то чувственную истину и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ на нее притязаніе. Потому, если поэтъ нападетъ на несчастную мысль взять предметомъ своихъ описаній чисто *сверхчеловѣческія* природы, то онъ развѣ тѣмъ только спасется отъ натянутости, что отступится отъ поэтическаго и нà-чисто откажется отъ исполненія своего предмета помощію воображенія. Потому-что, въ противномъ случаѣ, онъ или перенесетъ границы воображенія на предметъ и изъ абсолютнаго объекта сдѣлаетъ нѣчто ограниченное, *человѣческое* (какъ напр.

были и должны быть всѣ греческіе боги), или самъ предметъ отниметь границы у воображенія, т.-е., уничтожить ихъ, а въ этомъ-то и состоитъ натянутость.

Не должно также смѣшивать натянутого ощущенія съ натянутостью въ представленіи; мы говоримъ здѣсь только о первомъ. Объектъ ощущенія можетъ быть неестественъ, но само ощущеніе есть природа и оттого должно говорить ея языкомъ. Итакъ, если натянутость ощущенія можетъ вытекать изъ теплоты сердца и истинно поэтической

69

склонности, то натянутость въ представленіи всегда свидѣтельствуетъ о холодномъ сердцѣ и очень часто о поэтической способности. Стало-быть этотъ недостатокъ не столько страшенъ для сантиментальнаго поэтическаго генія, сколько для его непрошеннаго подражателя, который поэтому и не брезгаетъ плоскимъ, бездушнымъ и даже иногда и низкимъ. Натянутое ощущеніе не совсѣмъ лишено истины, и, какъ дѣйствительное ощущеніе, имѣетъ даже необходимо-дѣйствительный предметъ. Оно даже допускаетъ (такъ-какъ такое ощущеніе есть все-таки природа) простое выраженіе, и выходя изъ сердца доходитъ прямо до сердца. Только его предметъ не почерпнуть изъ природы, но односторонно и искусственно порожденъ умомъ, и потому имѣетъ одну только логическую реальность и ощущеніе не есть уже чисто-человѣческое. Не ложъ было чувство Элоизы къ Абельяру, Петрарки къ Лаурѣ, Сен-Прё къ Юліи, Вертера къ Лотѣ, Агатона, Фанія, Перегринна Протея (я говорю о виландовомъ) къ своимъ идеаламъ: ощущеніе въ нихъ истинно, только предметъ поддѣльный и лежитъ внѣ человѣческой природы. Еслибъ ихъ чувство держалось только чувственной истины предметовъ, то оно не могло бы взять такого мощнаго полета; а одна произвольная игра фантазіи безъ внутренняго содержанія никогда не была бы въ-состояніи трогать сердце, потому-что сердце трогается только разумомъ. Слѣдовательно, подобная натянутость заслуживаетъ замѣчанія, но отнюдь не презрѣнія и кто будетъ насмѣхаться надъ нею, пусть сперва изслѣдуетъ, не отъ холодности ли сердца онъ уменъ такъ, не отъ недостатка ли въ умѣ такъ разсудителенъ. Поэтому натянутая деликатность и щекотливость вѣжливости и чести, характеризующія рыцарскіе и въ-особенности испанскіе романы, точно такъ же какъ утонченная и до вычурности доведенная деликатность во французскихъ и англійскихъ

чувствительныхъ романахъ (перваго разбора), не только субъективно справедливы, но даже и не пусты въ объективномъ отношеніи: это настоящія ощущенія, имѣющія моральный источникъ и только потому заслуживающія порицанія, что переступаютъ границы человѣческой истины. И точно, какъ могли бы они безъ моральной реальности возбуждать къ себѣ сочувствіе, какъ то было и есть на самомъ дѣлѣ. Поэтъ не можетъ иначе отдѣлаться отъ своей природы, какъ укрываясь подъ законодательство разума; только для одного идеала можетъ онъ оставлять дѣйствительность. Путь отъ опыта къ идеалу великъ и между ними лежитъ еще фантазія съ своимъ безуднымъ произволомъ. И потому всегда бываетъ, что человѣкъ вообще и поэтъ въ-особенности, выходя изъ-подъ ига чувствъ, по свободѣ своего разсудка, а не вслѣдствіе требованій разума, т.-е. оставляя природу изъ одной только свободы, блуждаютъ *безъ всякаго закона* и вмѣстѣ съ тѣмъ сами предають себя въ добычу безумной мечтательности.

Опытъ показываетъ намъ, что не въ одной только поэзіи довольно примѣровъ подобнаго заблужденія, но что даже цѣлые народы, такъ же какъ и отдѣльные люди, освободившись отъ вѣрнаго напутствованія

70

природы, могутъ находиться точно въ такихъ же обстоятельствахъ. Между-тѣмъ-какъ истинное сантиментальное поэтическое влеченіе, чтобъ возвыситься до идеала, выходитъ за границы дѣйствительной природы, ложное переступаетъ вообще всѣ границы и считаетъ дѣтскую игру воображенія за поэтическое вдохновеніе. Хотя съ истиннымъ поэтическимъ геніемъ, который ради одной идеи оставляетъ дѣйствительность, этого никогда не бываетъ, развѣ только въ рѣдкихъ моментахъ, когда онъ совсѣмъ ужъ заблудился; однако онъ за-то по своей природѣ можетъ увлечься натянутымъ образомъ ощущенія; онъ можетъ своимъ примѣромъ соблазнить другихъ къ безумной мечтательности, потому-что читатели съ дѣятельною фантазіей и слабымъ умомъ, высматриваютъ у него только вольности, которыя онъ позволяетъ себѣ вопреки дѣйствительной природы, не имѣя способовъ слѣдовать за нимъ до его высшей, внутренней необходимости. Однимъ словомъ, съ сантиментальнымъ геніемъ можетъ случиться то же самое, чтò и съ наивнымъ, какъ мы уже выше видѣли, потому-что наивный геній, производя все изъ своей собственной природы, вводитъ въ

соблазнъ своего пошлаго подражателя, всегда надѣющагося найти въ своей ничѣмъ не худшую путеводительницу. И потому за мастерскими произведеніями наивнаго рода тянется обыкновенно цѣлая свита самыхъ плоскихъ, самыхъ грязныхъ оттисковъ пошлой природы, и за лучшими сантиментальными созданіями цѣлая пропасть самыхъ фантастическихъ продуктовъ — мы видимъ это въ любой литературѣ каждаго народа.

Въ поэзіи, какъ въ искусствѣ, есть два основныя правила, которыя сами-по-себѣ совершенно справедливы, но въ томъ значеніи какъ обыкновенно принимаются, непремѣнно другъ друга уничтожаютъ. О первомъ, которое можетъ быть выражено въ слѣдующихъ словахъ: *поэзія должна служить отдохновеніемъ и забавой*, мы уже упоминали и тогда же замѣтили, что оно не мало благопріятствуетъ пустотѣ и плоскости въ поэтическихъ представленіяхъ. Что касается до втораго: *что она служитъ къ моральному облагороживанію человѣка*, то подъ его покровомъ представляется богатое поприще всякой натянутости. И потому я считаю нелишнимъ нѣсколько ближе взглянуть въ эти два принципа, которые такъ часто у всѣхъ на языкѣ и которые иногда такъ ложно перетолковываются, такъ неловко примѣняются.

Отдохновеніемъ называется переходъ изъ насильственнаго состоянія къ такому, которое намъ естественно. Итакъ, все зависитъ оттого, въ чемъ мы полагаемъ наше естественное состояніе, и что подразумѣваемъ подъ насильственнымъ. Если первое мы будемъ искать въ одной несвязной игрѣ физическихъ силъ и въ освобожденіи отъ всякой принужденности, то, стало-быть, всякая дѣятельность разума, сопротивляющагося чувственности, есть насиліе, а покой духа, соединенный съ чувственнымъ движеніемъ, будетъ идеаломъ отдохновенія. Но если напротивъ-того, мы полагаемъ естественное состояніе въ безграничной способности ко всякому человѣческому выраженію, и въ возможности съ одинаковою свободою располагать всѣми нашими силами, то

всякое раздробленіе, всякое раздѣленіе этихъ силъ будетъ насильственнымъ состояніемъ, и идеаль отдохновенія есть возстановленіе цѣлаго нашей природы послѣ одностороннихъ усилій. Итакъ первый идеаль вытекаетъ изъ нужды *чувственной природы*, второй изъ самостоятельности *человѣческой*. Нетрудно разрѣшить теоретически, который изъ этихъ двухъ родовъ отдохновенія можетъ и должна допускать поэзія; потому-что вѣрно

никто не захочетъ показать вида, что ставить идеаль челоуѣчества ниже идеала животности. Невзирая на то, требованія отъ поэтическихъ произведеній въ дѣйствительной жизни истекають бѣльшею частью изъ чувственнаго идеала, который, если не опредѣляетъ степени уваженія къ этимъ произведеніямъ, то по крайней-мѣрѣ очень и очень часто имѣетъ вліяніе на нашу склонность къ нимъ и даже на особенное предпочтеніе къ нѣкоторымъ изъ нихъ, которыя такимъ-образомъ и становятся нашими любимыми произведеніями. Бодрствованіе духа для бѣльшей части людей есть или напряженная и утомительная работа, или разслабляющее наслажденіе. Въ первомъ случаѣ, какъ мы уже знаемъ, чувственность гораздо-сильнѣе и неотвязчивѣе стремится къ успокоенію духа, къ прекращенію дѣятельности, чѣмъ нравственная сила къ гармоніи и къ абсолютной свободѣ дѣятельности; потому-что прежде всего должна быть удовлетворена природа, а потомъ уже требованія духа. Во второмъ случаѣ парализируются самыя моральныя побужденія, изъ которыхъ должны бы были выходить эти требованія. И потому для пониманія истинно-прекраснаго, ничего не можетъ быть вреднѣе этихъ двухъ настроеній души, такъ обыкновенныхъ въ людяхъ, и становится ясно, почему только немногіе имѣють правильное сужденіе объ эстетическихъ вещахъ. Красота есть порожденіе гармоніи духа съ чувственностью; она имѣетъ дѣло вдругъ со всѣми способностями челоуѣка, а потому можетъ быть понимаема и достойно оцѣнена только подъ условіемъ полнѣйшаго и свободнѣйшаго употребленія всѣхъ силъ его. Для этого нужно и тонкое чувство, и открытое сердце, и свѣжій, сильный духъ — для этого нужно сосредоточить всю свою природу, что никогда не можетъ быть у тѣхъ людей, которые раздѣлены въ себѣ абстрактными мыслями, которые увязли въ мелочахъ и уже ослаблены напряженнымъ вниманіемъ. Такіе люди ощущають влеченіе къ чувственной матеріи, только не для того, чтобъ продолжать игру мыслительныхъ силъ, но чтобъ прекратить ее. Они хотять быть свободными, но только отъ бремени, которое утомляетъ ихъ лѣность, не отъ границъ, которыя сдерживали ихъ дѣятельность.

Можно ли послѣ этого удивляться счастію всего посредственнаго, всего пустаго въ эстетическихъ произведеніяхъ и мести слабыхъ умовъ ко всему энергическому и прекрасному? Они надѣются отдохнуть за ними, но отдохнуть сообразно своей нуждѣ и

понятію, и съ досадою видятъ, что тутъ-то и нужно имъ выказать все выраженіе силы, которой у нихъ не бывало и въ лучшія ихъ минуты. Посредственность напротивъ-того, ничего не требуетъ и принимаетъ ихъ какъ они есть,

72

потому-что какъ бы мало силы они ни принесли съ собою, имъ все-таки понадобится гораздо-менѣе, чтобъ исчерпать всю премудрость ихъ писателя. За нимъ они вдругъ избавляются отъ бремени мышленія, и распряженная природа въ сладкомъ наслажденіи ничтожествомъ можетъ на волѣ нѣжиться на мягкомъ коврѣ *плоскости*. Такъ у насъ, наприм. въ Германіи, въ храмѣ Талии и Мельпомены царствуетъ возлюбленная богиня, принимаетъ въ свое лоно и тупоумнаго ученаго, и утомленнаго дѣльца и убаюкиваетъ духъ въ магнетическій сонъ, разогрѣвая заоченѣлыя чувства, и въ сладкихъ движеніяхъ закачивая воображеніе.

Но почему бы намъ не сдѣлать снисхожденія къ обыкновеннымъ умамъ, когда то же самое довольно-часто встрѣчается и съ рѣдкими, не совсѣмъ обыкновенными умами? Роспускъ, требуемый природой послѣ каждаго продолжительнаго напряженія (и для подобныхъ минутъ обыкновенно предписываютъ наслажденіе прекрасными произведеніями), такъ мало благопріятствуетъ эстетической силѣ сужденія, что между собственно занятымъ классомъ только очень немногіе въ-состояніи судить о вещахъ вкуса съ увѣренностью и, что очень здѣсь важно, съ однообразіемъ. Ничего нѣтъ обыкновеннѣе того, что ученые въ преніяхъ съ образованными свѣтскими людьми о красотѣ, дѣлаютъ пресмѣшныя промахи, и что въ особенности судьи искусства по ремеслу становятся посмѣшищами въ глазахъ всѣхъ истинныхъ знатоковъ. Ихъ запущенное чувство, то напряженное, то грубое, бѣльшею частію ведетъ ихъ ложнымъ путемъ, и если они и нахватили вершущекъ для защиты ремесла своего въ теоріи, то изъ этого мы можемъ составить только *техническое* (т.-е. касающееся до цѣли сочиненія) сужденіе, но отнюдь не *эстетическое*, которое должно всегда обнимать цѣлое, и гдѣ, слѣдовательно, рѣшаетъ одно ощущеніе. Ужь пусть бы они лучше добровольно отреклись отъ послѣдняго и остановились только на первомъ; и тогда они могли бы сдѣлать довольно пользы, такъ-какъ поэтъ въ моментъ вдохновенія и чувствительный читатель во время чтенія очень легко пренебрегаютъ частностями. Но что всего смѣшнѣе и досаднѣе, такъ это то, что эти грубыя натуры, которыя при всѣхъ

мучительныхъ усиліяхъ, едва доводятъ себя до образованія какой-нибудь отдѣльной способности, выдаютъ свою немощную личность за отголосокъ общаго мнѣнія и въ потѣ лица своего — судятъ о прекрасномъ.

Итакъ, понятію объ *отдохновеніи*, которое доставляетъ поэзія, даютъ, какъ мы уже видѣли, слишкомъ тѣсныя границы, потому-что слишкомъ-односторонно приписываютъ его только одному требованію чувственности. Напротивъ-того, понятію объ *облагороживаніи*, на которое долженъ мѣтить поэтъ, дается ужь слишкомъ-обширное значеніе, потому-что слишкомъ-односторонно опредѣляютъ его по одной только идеѣ.

Облагороживаніе по своей идеѣ всегда переходитъ въ безконечное, потому-что разумъ въ своихъ требованіяхъ не держится необходимыхъ границъ чувственнаго міра и останавливается только при абсолютно-совершенномъ.

73

Ничто, чтò только имѣетъ еще сколько-нибудь высшую степень, не удовлетворяетъ его; передъ его строгимъ судомъ ничто не извиняется конечною нуждой природы; никакихъ другихъ границъ не признаетъ онъ, кромѣ границъ мысли, а мы знаемъ, что она взлетаетъ за всѣ предѣлы времени и пространства. Слѣдовательно, поэтъ не имѣетъ права поставить себѣ цѣлью подобный идеаль облагороживанія, предписываемый чистымъ законодательствомъ разума, точно такъ же, какъ и тотъ низкій идеаль отдохновенія, льстящій одной чувственности; потому-что хотя онъ и долженъ освободить воображеніе отъ всѣхъ случайныхъ границъ, однако не уничтожая общихъ понятій и не касаясь необходимыхъ ихъ границъ. Все, чтò ни позволитъ онъ себѣ за этими линіями, есть натянутость, а къ ней-то слишкомъ-легко и сманиваетъ его ложно-перетолкованное понятіе объ облагороживаніи. Хуже всего тò, что онъ самъ не можетъ возвыситься до истиннаго идеала человѣческаго облагороживанія, чтобы хотя на нѣсколько шаговъ, да не выйти изъ черты этого же самаго идеала. Въ-самомъ-дѣлѣ, чтобъ достигъ его, онъ долженъ оставить дѣйствительность, потому-что, какъ и всякій идеаль, онъ можетъ почерпнуть его только изъ внутренняго и моральнаго источника. Не въ свѣтѣ его окружающемъ, не въ шумѣ заботливой жизни, но только въ собственномъ своемъ сердцѣ находитъ онъ его, и только въ тиши уединеннаго созерцанія обрѣтаетъ онъ свое сердце. Но это удаленіе отъ жизни скроетъ отъ глазъ его не одни только случайныя, но

очень часто необходимые и неприкосновенные предѣлы человечества, и за поисками одной только чистой формы, онъ приходитъ въ опасность потерять все содержаніе. Разумъ будетъ работать слишкомъ-отдѣльно отъ опыта, и то, что созерцательный духъ найдетъ на спокойномъ пути мысли, дѣйствующій человѣкъ на трудномъ пути жизни не будетъ въ-состояніи привести въ исполненіе. Такимъ-образомъ то, что могло бы образовать мудреца, образуешь только мечтателей-фантазёровъ, и преимущество перваго состоитъ, можетъ-быть, менѣе въ томъ, что онъ не остался имъ.

Такъ-какъ нельзя положиться на дѣловыхъ людей въ дѣлѣ опредѣленія понятія объ отдохновеніи, а на созерцательныхъ въ дѣлѣ опредѣленія понятія объ облагороживаніи, если только нужно, чтобъ первое понятіе не было слишкомъ-физическое, и недостойное поэзіи, второе же слишкомъ-сверхъестественное и отличное для поэзіи — и такъ-какъ эти оба понятія, какъ показываетъ намъ опытъ, управляютъ всеобщимъ сужденіемъ о поэзіи и о поэтическихъ произведеніяхъ, то, чтобъ изложить ихъ, мы должны поискать такой классъ людей, который, не работая былъ бы дѣятельнъ, могъ бы идеализировать, не впадая въ мечтанія, который, однимъ-словомъ, соединялъ бы въ себѣ всѣ реальности жизни съ наивозможно-малыми предѣлами ея и уносился потокомъ обстоятельствъ, не дѣлаясь оттого ихъ добычей. Только такой классъ въ-состояніи сохранить прекрасное цѣлое человеческой природы, которое минутно разрушается отъ всякой работы и на долгое время отъ труженической жизни; только такой классъ можетъ выдавать

свое пониманіе за законъ во всемъ чисто-человѣческомъ. Существуетъ ли такой классъ, или лучше, если онъ и точно существуетъ въ этихъ внѣшнихъ отношеніяхъ, то соотвѣтствуетъ ли онъ этому понятію такъ же и внутренно — это ужъ другой вопросъ, до котораго здѣсь мнѣ нѣтъ никакого дѣла. Если онъ ему не соотвѣтствуетъ, то пусть жалуется только на самого-себя, такъ-какъ противоположный дѣловой классъ имѣетъ по-крайней-мѣрѣ то удовлетвореніе, что смотритъ на себя, какъ на жертву своего призванія. Въ этомъ классѣ (который я, впрочемъ, выставляю здѣсь какъ идею, и отнюдь не имѣю намѣренія признать его фактомъ) наивный характеръ такъ соединился бы съ сантиментальнымъ, что оба они предостерегали бы другъ друга отъ крайностей, и между-

тѣмъ первый предохранялъ бы духъ отъ натянутости, второй спасалъ бы его отъ вялости. Потому-что, наконецъ, мы должны же признаться, что ни наивный, ни сантиментальный характеръ, разсматриваемые порознь, не вычерпываютъ совершенно идеала прекраснаго человѣчества, который можетъ только выйдти изъ ихъ взаимнаго тѣснаго соединенія.

Правда, какъ скоро эти два характера возвышаются до поэзіи, какъ мы до-сихъ-поръ ихъ и разсматривали, то различіе ихъ ослабѣваетъ и самая противоположность ихъ становится тѣмъ менѣе чувствительною, чѣмъ выше степень ихъ поэтической восторженности: потому-что поэтическое настроеніе есть самостоятельное цѣлое, въ которомъ исчезаютъ всѣ различія и недостатки. Но потому-то именно, что эти оба рода ощущенія могутъ слиться другъ съ другомъ только въ понятіи поэзіи, ихъ обоюдное различіе и нужды становятся значительнѣе по-мѣрѣ-того, какъ они разоблачаются отъ поэтическаго характера, что мы и видимъ во вседневной жизни. Чѣмъ ниже къ ней они сходятъ, тѣмъ болѣе теряютъ они отъ своего родоваго характера, сближающаго ихъ другъ съ другомъ, пока не останется наконецъ въ ихъ карриатурахъ одинъ только частный характеръ, противопологающій ихъ другъ другу.

Эта мысль наводитъ меня на весьма-значительный психологическій антагонизмъ между людьми: антагонизмъ, который, оттого что онъ радикаленъ и основанъ на внутреннемъ образѣ характера, производитъ гораздо-вреднѣйшее раздѣленіе между людьми, чѣмъ когда-либо производило случайное столкновеніе интересовъ; антагонизмъ, который у художника и поэта отнимаетъ всякую надежду нравиться всѣмъ и всѣхъ трогать, въ чемъ вся ихъ задача; антагонизмъ, который поставляетъ въ невозможность философа всѣхъ убѣждать, что, впрочемъ, нераздѣльно съ понятіемъ философіи; антагонизмъ, который, наконецъ, никогда не позволитъ человѣку въ практической жизни быть хвалиму всѣми вообще — однимъ-словомъ, антагонизмъ, который причиной, что ни одно произведеніе ума, ни одно дѣйствіе сердца не могутъ добиться рѣшительнаго одобренія у одного класса, чтобъ этимъ самымъ не навлечь на себя осужденій отъ другаго. Этотъ антагонизмъ, безъ-сомнѣнія, ведетъ свое начало вмѣстѣ съ

цивилизацией, и едва-ли когда-нибудь рушится, и то развѣ въ отдѣльныхъ, рѣдкихъ субъектахъ, которые, къ-счастію, всегда бывали и всегда будутъ; но хотя его свойство состоитъ въ томъ, что онъ силится разрушить всякую попытку къ своему отстраненію (такъ-какъ ни одинъ классъ не захочетъ признать несправедливость на своей и истину на чужой сторонѣ), однако уже и то будетъ выигрышемъ, если мы станемъ преслѣдовать это важное раздѣленіе до его послѣдняго источника и приведемъ черезъ то самое начало этого антагонизма въ простѣйшую формулу.

Истиннаго понятія объ этомъ антагонизмѣ скорѣе всего можно достигъ, если отстранимъ, какъ я уже сейчасъ замѣтилъ, какъ отъ наивнаго, такъ и отъ сентиментальнаго характера все поэтическое. Тогда отъ перваго останется только въ-отношеніи къ теоріи — здравый наблюдательный духъ и сильная привязанность къ однообразному свидѣтельству чувствъ; въ-отношеніи къ практики — самоотрицательная покорность необходимости природы; стало-быть, покорность тому, что есть и должно быть. Отъ сентиментальнаго же характера останется только въ теоретическомъ отношеніи безпокойный спекулятивный духъ, стремящійся ко всему безусловному во всѣхъ разумнѣяхъ, въ практическомъ моральный ригоризмъ, опирающійся на все безусловное въ дѣйствіяхъ воли. Кто причисляетъ себя къ первому классу, можетъ назваться *реалистомъ*, кто ко второму — *идеалистомъ*; только при этихъ названіяхъ не должно вспоминать ни добраго, ни дурнаго мнѣнія, соединеннаго съ ними въ метафизикѣ.

Такъ-какъ реалистъ опредѣляется необходимостью природы, а идеалистъ необходимостью разума, то между обоими находится то же отношеніе, какъ между дѣйствіями природы и дѣянїями разума. Мы знаемъ, что природа хотя и безконечная величина въ цѣломъ, во всякомъ отдѣльномъ дѣйствіи является зависимою и неможною и только въ полномъ кругѣ своихъ явленій выражаетъ самостоятельный, великій характеръ. Все индивидуальное только оттого въ ней находится, что есть нѣчто постороннее; ничто въ ней не вытекаетъ изъ самого себя, все только изъ предшествовавшаго момента, чтобъ соединиться съ послѣдующимъ. Но это взаимообразное отношеніе явленій и упрочиваетъ бытіе каждаго посредствомъ бытія другаго и отъ зависимости ихъ дѣйствій нераздѣльны ихъ прочность и необходимость. Ничего нѣтъ

свободнаго въ природѣ, но за-то ничего нѣтъ и произвольнаго въ ней.

Точно также проявляется и реалистъ, какъ въ своемъ *знаніи*, такъ и въ *дѣлахъ* своихъ. На все, что условно существуетъ, простирается кругъ его знаній и дѣйствій; но никогда не доводитъ онъ ихъ выше принятыхъ познаній, и потому правила, которыя онъ составляетъ изъ отдѣльныхъ опытовъ, взятыя во всей ихъ строгости, годятся только на одинъ разъ; ему стѣдуетъ только расширить правило извѣстной минуты до всеобщаго закона, и онъ непремѣнно впадетъ въ заблужденіе.

76

Потому, если реалистъ захочетъ въ своемъ знаніи достигъ чего-нибудь безусловнаго, то онъ долженъ попытаться въ этомъ на томъ же самомъ пути, на которомъ природа становится безконечною, т. е. на пути цѣлаго и въ полномъ кругѣ опытовъ. Но такъ-какъ сумма опытовъ никогда не можетъ быть совершенно закончена, то сравнительная всеобщность есть наибольшая величина, какой достигаетъ реалистъ въ своемъ знаніи. На возвратѣ подобныхъ случаевъ созидаетъ онъ свою прозорливость, и потому справедливо разсуждаетъ обо всемъ, что въ порядкѣ вещей; но во всѣхъ случаяхъ, представляющихся только въ первый разъ, его мудрость обращается вспять.

Все, что говорено было о знаніи реалиста, можно сказать и о его (моральномъ) дѣйстви. Въ его характерѣ есть моральность, только она не находится, сообразно своему чистому понятію, въ одномъ какомъ-либо изъ его отдѣльныхъ поступковъ, но въ цѣлой суммѣ его жизни. Во всякомъ особенномъ случаѣ онъ опредѣляется внѣшними причинами, внѣшними цѣлями; только эти причины не случайныя, эти цѣли не минутныя, но субъективно вытекаютъ изъ цѣлаго природы и объективно къ нему относятся. Стало-быть побужденія его воли, въ строгомъ смыслѣ, ни довольно-свободны, ни довольно-моральны, потому-что вытекаютъ изъ чего-то другаго, чѣмъ изъ простой воли, и имѣютъ предметомъ нѣчто другое, чѣмъ простой законъ; совсѣмъ тѣмъ они отнюдь не слѣпыя, матеріальныя побужденія, потому-что это *нѣчто другое* есть абсолютное цѣлое его природы. Такъ простой человѣческой разсудокъ, главнѣйшая часть реалиста, постоянно является и въ мысляхъ его и въ обхожденіи. Изъ отдѣльнаго случая почерпаетъ онъ правило для своего сужденія и изъ внутренняго ощущенія для своихъ дѣяній; но счастливымъ инстинктомъ умѣетъ онъ

отстранять отъ обоихъ все минутное и случайное. Руководимый этой методой, въ цѣломъ онъ едва-ли упрекнетъ себя въ какомъ-нибудь значительномъ проступкѣ; но за-то ни въ какомъ особенномъ случаѣ не можетъ онъ имѣть притязаній на величіе и достоинство. Эти добродѣтели бывають только заслугою самостоятельности, что едва-ли найдется въ его отдѣльныхъ поступкахъ.

Совсѣмъ противное находимъ мы у идеалиста, который изъ себя самага и изъ одного разума черпаетъ свои разумѣнія и причины. Если природа въ своихъ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ является всегда зависимою и ограниченою, то разумъ напечатлѣваетъ характеръ самостоятельности и полноты на каждый изъ своихъ отдѣльныхъ поступковъ. Изъ себя почерпываетъ онъ все, и все примѣняетъ къ самому себѣ. Что чрезъ него происходитъ, ради его происходитъ; абсолютною величиной бываетъ всякое имъ созданное понятіе, всякое имъ опредѣленное рѣшеніе. Такъ же точно проявляется и идеалистъ, если только справедливо носить это имя, какъ въ знаніи, такъ и въ дѣлахъ своихъ. Недовольный познаніями, годящимися только для опредѣленныхъ предположеній, онъ стремится проникнуть до истинъ, которыя ничего болѣе не предполагають и служатъ предположеніями всего другаго. Его

77

удовлетворяетъ одна философическая прозорливость, превращающая все условное знаніе въ безусловное и укрѣпляющая всю опытность на необходимомъ въ человѣческомъ духѣ; вещи, которымъ реалистъ подчиняетъ свое мышленіе, подчиняетъ онъ самому себѣ, своей способности мышленія. И на это онъ имѣетъ полное право; потому-что не будь законы человѣческаго духа вмѣстѣ и всемірными законами, сдѣлайся самъ разумъ, наконецъ, подвластнымъ опытности, никакая опытность не была бы возможною.

Но онъ можетъ достигъ до абсолютной истины, и все-таки немного подвинуться впередъ въ своихъ познаніяхъ. Потому-что хотя все подлежитъ необходимымъ и всеобщимъ законамъ, однако все отдѣльно управляется случайными и особенными правилами; а въ природѣ все отдѣльно. Стало-быть съ своимъ философскимъ знаніемъ онъ можетъ господствовать только надъ цѣлымъ; но для особенныхъ случаевъ, для практики онъ немного выигрываетъ; даже приводя все къ высшимъ причинамъ, по которымъ все

становится возможнымъ, онъ легко выпускаетъ изъ вида *ближайшія* причины, по которымъ все становится дѣйствительнымъ. Устремляя взоры свои только на всеобщее, которое уравниваетъ самые различные случаи, онъ очень-легко пренебрегаетъ особенными признаками, чѣмъ они другъ отъ друга отличаются. Правда, онъ очень-многое *обнимаетъ* своимъ знаніемъ, но потому-то можетъ-быть и очень-малымъ *пользуется*, и, выигрывая въ умозрѣніи, часто теряетъ въ прозорливости. Оттого-то и случается, что если спекулятивный умъ презираетъ обыкновенный за его *ограниченность*, то обыкновенный разумъ насмѣхается надъ спекулятивнымъ за его *пустоту*; потому-что познанія, выигрывая въ объемѣ, всегда теряютъ въ опредѣленномъ содержаніи.

При моральномъ изслѣдованіи находимъ мы въ идеалистѣ чистѣйшую моральность въ частностяхъ его характера, но гораздо-менѣе моральнаго однообразія въ цѣломъ. Такъ-какъ онъ потому только называется идеалистомъ, что изъ чистаго разума почерпаетъ причины своихъ опредѣленій, и такъ-какъ разумъ во всѣхъ своихъ выраженіяхъ является абсолютнымъ, то уже его отдѣльные поступки, какъ-скоро они вообще моральны, носятъ на себѣ *весь* характеръ моральной самодѣятельности. Если реалистъ въ своихъ моральныхъ поступкахъ спокойно и однообразно подвергается физической необходимости, то идеалисту необходимо взять полетъ, необходимо въ тотъ же мигъ привести свою природу въ восторженное состояніе. Не будучи подъ вліяніемъ вдохновенія, онъ не въ-состояніи сдѣлать ничего замѣчательнаго; но за-то тѣмъ болѣе, когда онъ воодушевленъ. Его поступки явятъ тогда характеръ возвышенности и величія, которыхъ напрасно будешь искать въ дѣйствіяхъ реалиста. Къ-сожалѣнію, дѣйствительная жизнь совсѣмъ неспособна возбуждать въ немъ это вдохновеніе и еще менѣе однообразно его поддерживать. Съ абсолютно-великимъ, изъ котораго онъ все выводитъ, абсолютно-мелкое отдѣльнаго случая, къ которому онъ долженъ приложить свой выводъ, составляетъ слишкомъ-разительный контрастъ.

Такъ-какъ его воля по идеѣ всегда направлена къ цѣлому, то по содержанію онъ ужь какъ-то неспособенъ принаравливать ее къ частности; а между-тѣмъ случай представляетъ ему только незначительные поступки для произведенія его моральнаго образа мыслей. Такимъ-образомъ нерѣдко случается, что занятый

безграничнымъ идеаломъ, онъ выпускаетъ изъ вида ограниченный случай приложенія и исполненный наибольшаго, пренебрегаетъ наименьшимъ.

Итакъ, о реалистѣ должно судить по всей полнотѣ его жизни; что же касается до идеалиста, то въ сужденіи о немъ должно придерживаться его частныхъ выраженій. Оттого обыкновенное сужденіе, такъ охотно судящее по отдѣльнымъ случаямъ, равнодушно умолчитъ о реалистѣ, потому-что отдѣльные акты его жизни представляютъ такъ мало матеріи къ похвалѣ; за идеалиста, напротивъ-того, это сужденіе раздѣлится.

Невозможно, чтобъ при такомъ огромномъ различіи въ принципахъ, оба эти характера не были другъ другу противоположны въ своихъ сужденіяхъ, и согласуясь даже въ объектахъ и результатахъ, не различествовали въ причинахъ. Реалистъ спрашиваетъ *на что годится дѣло*, и оцѣниваетъ вещи сообразно тому, чего онѣ стоятъ; идеалистъ спрашиваетъ: *хорошо ли дѣло?* и оцѣниваетъ вещи, смотря по тому, чего онѣ достойны. Во всемъ, что имѣетъ цѣнность и цѣль въ самомъ себѣ (исключая впрочемъ цѣлое) реалистъ мало знаетъ толка и не дорожитъ тѣмъ; въ дѣлахъ вкуса будетъ онъ искать удовольствія, въ дѣлахъ нравственности благосостоянія, хотя и не считаетъ этого условіемъ нравственнаго дѣянія. Все, что любить, онъ будетъ стараться *осчастливить*, идеалистъ — *облагородить*.

Независимость *состоянія* есть высочайшая цѣль для перваго, независимость *отъ состоянія* для втораго, и это характеристическое различіе видно въ ихъ обоюдномъ мышленіи и дѣйствіи. Оттого реалистъ выражаетъ всегда свою благосклонность тѣмъ, что *даетъ*, идеалистъ же тѣмъ, что *принимаетъ*; въ жертвахъ своего великодушія выказываетъ каждый изъ нихъ, что онъ выше всего цѣнить. Идеалистъ готовъ выкупить недостатки своей системы своею личностью и своимъ временнымъ состояніемъ, и ни во что не ставитъ этой жертвы; реалистъ выкупаетъ недостатки своей системы своимъ личнымъ достоинствомъ, и никогда не узнаетъ объ этой жертвѣ. Его система вертится около всего, что ему извѣстно, и въ чемъ онъ ощущаетъ нужду — что ему за дѣло до благъ, о которыхъ онъ не имѣетъ даже предчувствія? Съ него довольно, если онъ чѣмъ-нибудь обладаетъ, если есть на землѣ для него теплый уголокъ и довольство живетъ въ его сердцѣ. Судьба идеалиста гораздо-бѣднѣе. Мало-того, что онъ часто бываетъ въ разладѣ съ счастіемъ, ибо пропускаетъ случай воспользоваться моментомъ,

онъ въ разладѣ также и съ самимъ собою; ни его знанія, ни дѣла не удовлетворяютъ его. Онъ требуетъ отъ себя безконечнаго, а все, что ни дѣлаетъ — выходитъ ограниченно. Отъ этой строгости, съ которою онъ разсматриваетъ самого себя, онъ не отрекается и въ обхожденіи съ

79

другими. Правда, онъ великодушенъ, потому-что глазъ-на-глазъ съ другими онъ менѣе вспоминаетъ о своей личности; но чаще онъ нетерпимъ, потому-что также легко не замѣчаетъ личности въ другихъ. Реалистъ, напротивъ, менѣе великодушенъ; но онъ за-то терпимѣе, потому-что судить о вещахъ болѣе въ ихъ границахъ. Онъ проститъ пожалуй, пошлomu, даже низкому образу мыслей и дѣйствию, но только не произвольному, не эксцентрическому; идеалистъ, напротивъ, заклятый врагъ всего мелочнаго и плоскаго и легко мирится съ бизарнымъ, если только въ нихъ проявляется бѣльшая способность.

Если въ какой-нибудь системѣ что-нибудь выпущено, и въ этомъ выпущенномъ встрѣчается крайняя и неизбѣжная нужда въ природѣ, то въ замѣнъ системы природу можно удовлетворить только инконсеквенціей. Такою инконсеквенціей погрѣшаютъ здѣсь обѣ партіи, и она доказываетъ, если до-сихъ-поръ могли сомнѣваться въ этомъ — вмѣстѣ и односторонность обѣихъ системъ и богатое содержаніе человѣческой природы. Идеалистъ, само-собою, разумѣется, долженъ необходимо выйти изъ своей системы, какъ-скоро задумаетъ произвести опредѣленное дѣйствіе; потому-что все опредѣленное бытіе подчинено временнымъ условіямъ и слѣдуетъ эмпирическимъ законамъ. Что касается до реалиста, то еще сомнительно, въ-состояніи ли онъ удовлетворить внутри своей системы всѣмъ необходимымъ требованіямъ человѣчества. Спросите у реалиста: зачѣмъ онъ поступаетъ справедливо и терпитъ необходимое, и онъ вамъ отвѣтитъ совершенно въ духѣ своей системы: потому-что такъ велитъ природа, потому-что такъ быть должно. Но такой отвѣтъ совсѣмъ еще не удовлетворяетъ вопросу, ибо рѣчь совсѣмъ не о томъ, что велитъ природа, но чего хочетъ человѣкъ; потому-что онъ можетъ и не хотѣть того, что быть должно? Слѣдовательно, его можно опять спросить: зачѣмъ же ты хочешь того, что быть должно? Почему твоя воля подчиняется этой необходимости природы, когда бы она могла (хотя и безъ пользы) противостать ей? Ты не можешь отвѣчать: оттого, что другіе дѣти природы подчиняются ей, ибо у

тебя у самого есть воля, ты даже чувствуешь, что твоя подчиненность должна быть добровольною. Откуда же взялъ ты идею о необходимости природы? Ужь, вѣроятно, не изъ опытности, которая показываетъ тебѣ только отдѣльныя дѣйствія природы, но не природу (какъ цѣлое) и только отдѣльные факты дѣйствительности, но отнюдь не необходимость. Стало-быть ты выйдешь изъ природы и опредѣлишь себя идеалистически, какъ-скоро только захочешь *морально дѣйствовать*.

Прозорливому и безпристрастному читателю, послѣ всего сказаннаго (въ истинѣ котораго даже и тотъ признается, кто несогласенъ въ результатѣ) мнѣ кажется ужь нечего доказывать, что идеаль челоѳческой природы раздѣленъ между ними обоими, но ни одинъ изъ нихъ совершенно не достигнуть. Опытъ и разумъ имѣютъ оба свои собственныя сѣмена справедливости, и ни одинъ изъ нихъ не можетъ сдѣлать набѣгъ на область другаго, не навлекши худыхъ послѣдствій или для

80

внутренняго, или для внѣшняго состоянiя челоѳка. Одинъ только опытъ можетъ научить насъ, что существуетъ подъ извѣстными условiями, что слѣдуетъ изъ опредѣленныхъ положенiй, что должно быть сдѣлано для опредѣленныхъ цѣлей? Если мы возьмемъ помощiю одного только разума созидать внѣ извѣстнаго порядка вещей, то мы будемъ пересыпать изъ пустаго въ порожнее и результатомъ будетъ нуль: ибо все бытiе подлежитъ условiямъ. Если же прiйдемъ какой-нибудь случайный фактъ, за мѣру для рѣшенiя того, что заключено уже въ понятiи нашего собственнаго бытiя, то мы сами становимся пустою игрушкою случая.
